

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ
ПОЭЗОАНТРАКТЪ
ПЯТАЯ КНИГА ПОЭЗЪ

1916

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ

ПОЭЗОАНТРАКТЪ

ПЯТАЯ КНИГА ПОЭЗЪ

ИЗД. „НАШИ ДНИ“

МОСКВА—1915

Москва.— 1913.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.

Петровка. д. 26. Тел. 1-31-34.

I.

ЗАРНИЦЫ МЫСЛИ.

ДИОИРАМБЪ.

Почему не брать отъ жизни все
что она даетъ?..

Генрихъ Ибсенъ.

Цвѣтовъ! огня! вина и кастаньеты!
Пусть блещетъ „да“! Пусть онѣмѣетъ „нѣтъ“!
Пусть разсмѣется дерзновенное!
Живи, пока живешь! Спѣши, спѣши
Любить, ловить мгновенное!
Пусть жизнь за счастье сдачи дастъ гроши, —
Что толку въ томъ, когда — все тлѣнное?!
Пей! хохочи! танцуй! смѣши!
Воспламенись! всѣхъ жги! и самъ гори!
Сгори! — что тамъ беречь?!
Рискуй! рубись! выигрывая пари!
Въ свой фазтонъ сумѣй моментъ запречь!
Сверкай мечомъ! орломъ пари!
Бери!!.

1909. Июль.

МОЙ ГОДЪ.

Я десять мѣсяцевъ мечтаю,
А два живу и пью вино,—
Тогда для всѣхъ я пропадаю,
Но — гдѣ и какъ — не все ль равно?
    Какъ лютикъ, упоенный лютней,—
    Я человѣкъ не изъ людей...
И, право, какъ-то жить уютнѣй
Съ идей: пить изъ-за идей.

1909. Мартъ.

СТРАННО...

Мы живемъ, точно въ снѣ неразгаданномъ,
На одной изъ удобныхъ планетъ...
Много есть, чего вовсе не надо намъ,
А того, что намъ хочется, нѣтъ...
1909.

МОЙ МОНАСТЫРЬ.

Мой монастырь — не въ сводахъ камня,
Не на далекихъ островахъ, —
Въ устояхъ духа нерушимыхъ,
Въ идеѣ: жизнь земная — прахъ.

Мой монастырь — не въ пѣснопѣньяхъ,
Не въ облегченіи молитвъ, —

Въ дѣлахъ, гдѣ принципъ справедливость,
Въ непониманьи смысла битвъ.

Мой монастырь — не въ истязаньи
Бездушнoй плоти, — въ грезѣ вширь,
Въ невѣрїи въ безсмертье ада
И въ вѣрѣ въ Рай — мой монастырь.

1907.

НАДЕЖДЫ НѢТЬ...

Глупецъ и трусъ способны жизнь любить:
Кто понялъ жизнь — тому надежды нѣтъ.
Но я живу и даже жажду жить,
Хотя и жду вседневно новыхъ бѣдъ.

Я жизнь люблю, хотя не вѣрю ей, —
Она не дастъ ни счастья, ни любви.
Приди же, смерть, приди ко мнѣ скорѣй,
Чтобъ я не ждалъ, и сразу все порви...

1909. Октябрь.

ПѢСНЯ.

М. И. Кокорину.

Велика земля наша славная,
Да нѣтъ мѣста въ ней сердцу доброму:
Вся пороками позасыпана,
Все цвѣтущее позагублено.

А и дадено добру молодцу
Много-множество добродѣтелей.
А и умъ-то есть, точно молянья,
А и сердце есть, будто солнышко,
И пригожь-то онъ, ровно царскій сынъ,
И хорошь-то онъ, словно ангельчикъ.
Да не дадено, знать, большой казны,
И пуста мошна, что лѣсъ осенью,
А зато не знать ему радости
И прожить всю жизнь прозябаючи...

1909. Августъ.
Мыза „Ивановка“.

ИЗВНѢ.

Я не живу душой на свѣтѣ,
Хотя реально въ немъ живу;
Но гдѣ мой край, гдѣ шири эти,—
Я вамъ наврядъ ли назову.

Мнѣ непонятна жизнь земная,
Темна, ненужна и гадка;
Зачѣмъ мнѣ жить—не понимаю:
Я здѣсь безъ чувствъ, безъ языка...

Вѣдь жизнь души моей—въ пространствѣ,
Ни на землѣ, ни на лунѣ,
Ни въ мигъ и ни въ постоянствѣ,
Но царства злобнаго—извнѣ.

Я РЪЧЬ ДЕРЖУ...

Я рѣчь держу... Да слушаетъ, кто хочетъ! —
Черствѣеть съ каждымъ днемъ суровый мѣръ.
Порокъ гремитъ, сверкаетъ и грохочетъ.
Онъ — богъ земли! онъ — міровой кумиръ!

Я рѣчь держу... Да слушаетъ, кто можетъ! —
Искусство попирается стопой.
Его огонь болотный мракъ тревожить,
Его огонь ослабъ передъ толпой.

Я рѣчь держу... Да слушаетъ, кто вѣрить! —
Настанетъ день — искусство станетъ звукъ:
Никто значенья строго не измѣрить
И, можетъ быть, никто не приметъ мукъ.

Я рѣчь держу... Да слушаетъ, кто близокъ! —
Настанетъ день, день эпилога чувствъ.
Тотъ день убьетъ (Зачѣмъ же онъ такъ низокъ?)
Вселенную — искусство изъ искусствъ!

1909. Июнь.

Мыза „Ивановка“.

РАЗЪ НАВСЕГДА.

Удѣломъ поэта
И было, и будетъ—страданье.

Мирра Лохвицкая.

И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ.

Валерій Брюсовъ.

Мой смѣхъ отвѣтомъ сужденій язвъ!
Поэтъ сознаемъ себя великъ!
Вы, судьи, — кто вы? вы боги развѣ,
Что вамъ доступенъ небесъ языкъ?

Когда кто видѣлъ, чтобъ къ солнцу совы
Свой обращали полночный взоръ?
Когда кто слышалъ, что пѣсни зовы
Дороже людямъ, чѣмъ шумный вздоръ?

О вы, слѣпыя земли пигмен,
Что вамъ до звуковъ святой трубы!—
Въ безмозглой злобѣ — всегда вы змѣи.
Въ убогомъ гнѣвѣ — всегда рабы.

Смѣшонъ и жалокъ поэтъ, доступный
Толпѣ презрѣнной и звѣрски-злой,
Толпѣ бездарной, толпѣ преступной,—
Развѣнчанъ геній ея хвалой.

Но славенъ ясно, но славенъ вѣчно
Пѣвецъ, желанный душѣ пѣвца.
Кто чуеъ смутно, кто живѣ сердечно —
Тому пою я съ зарей лица.

1909. Апрель.

„СОБРАТЬЯ“.

Все — Пушкины, все — Гёте, все — Шекспиры.
Направо, влево, сзади, впереди...
Но большинство изъ лириковъ — безъ лиры,
И пѣсни ихъ звучать не изъ груди...

Все ремесло, безвкусіе и фокусъ,
Ни острыхъ риёмъ, ни дерзостныхъ мазковъ!
И у меня на „фокусъ“ риёма — флокусъ,
А стиль другихъ — стиль штопаныхъ носковъ.

Изношены, истрепаны, банальны
Теперь стихи, какъ авторы стиховъ.
Лубочно-вдохновенны и подвальные
Ихъ головы безъ нужнаго головъ.

Титаны — все, а вмѣстѣ съ тѣмъ — все крохи,
Швейцарь, столяръ, извозчикъ и купецъ
Всѣ, всѣ поють, смѣша, какъ скоморохи,
Гадливость вызывая, какъ скопецъ.

И хочется мнѣ крикнуть миллионамъ
Бездарностей, взрощенныхъ въ кабацѣ:
„—Приличнѣй быть въ фуражкѣ почтальономъ,
Чѣмъ лирикомъ въ дурацкомъ колпакѣ“.

1909. Іюнь.

Мыза „Ивановка“.

В Ы, Т Ъ...

Вы, тѣ, что носите на плечахъ мертвый шаръ,
Наполненный, Богъ вѣсть, какой ничтожной дрянью,
Сумѣли бы вы зажечь въ себѣ пожаръ
Такой, какъ я зажегъ за недоступной гранью?

Вы тѣ, что учитесь, чтобъ ничего не знать,
Вы, незнакомые съ восторгомъ воспріятыя,
Вы, пролетаріи и блещущая знать,
Я васъ не допущу до новаго распятыя.

Все свѣтозарное въ васъ пробуждаетъ злость,—
Будь это Самъ Господь или поэта строфы.
Но помните одно: забить послѣдній гвоздь,
Что кованъ для Креста, — и нѣтъ второй Голгофы!

1909. Іюнь.

Мыза „Ивановка“.

МОЙ СТИХЪ.

Мой стихъ — пощечина
Условіямъ земли.
Чья мысль отточена,
Внемли!

Эй, вы, іуды — братія,
Сжигайте пѣснь мою:
Всему проклятія.
Пою!..

1909. Іюнь.
Мыза „Ивановка“.

ЩИТЬ — СОЛНЦЕ.

Солнце — мой щить отъ ночного шемащаго ужаса.
Я прибѣгаю ко власти Высокихъ Защить.
Съ первымъ лучомъ да отпрянетъ злой духъ, разружася,
И да слѣпить его очи мой солнечный щить.
Скроется ночь, омертвивъ безпокойные шорохи,
Тайны свои захвативъ для грядущей сестры...
Тайна ночей — не огонь ли въ чуть тлѣющемъ порохѣ?
Взоры ночей не цвѣтами ли гроба пестры?
Ночи безумны, и насъ призываютъ къ безумію...
Старое зданіе молить, клянеть и трещить...
Мечется сердце, а мысль - непогоды угрюмѣ...
Чтобы и было, когда бы не солнце, мой щить...

1909.

А ЗНАЕШЬ КРАЙ?..

„Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ
дышитъ?“

Гр. А. К. Толстой.

...А знаешь край, гдѣ хижины убоги,
Гдѣ голодъ шлетъ людей на тяжкій грѣхъ,
Гдѣ вѣчно скорбь, гдѣ лица вѣчно строги,
Гдѣ отзвучалъ давно здоровый смѣхъ,
И гдѣ ни школь, ни доктора, ни книги,
Но гдѣ—вино, убійство и... вериги?..

1907.

ВСЕ КОНЧЕНО, А СОЛНЦЕ ВНОВЬ ВОСХОДИТЬ.

Параллель.

Борецъ за благоденствіе страны
Жизнь отдаетъ, не зная колебанья,
Но зная хорошо, что суждены
Ему, герою, муки и страданья.
Съ презрѣніемъ смотря на палачей,
Съ улыбкою на эшафотъ онъ всходитъ,
Но ясенъ смыслъ смѣющихся очей:

— „Все кончено, а солнце вновь восходитъ“.

Такъ героиня, знавшая сердецъ
Въ нее влюбленныхъ силу, адъ и пламя,

Почувствовавъ, что всѣмъ мечтамъ конецъ,
На море смотреть грустными глазами.
Блестящій, яркій солнечный восходъ
Ее на размышленія наводитъ.
Она твердитъ, смотря на лоно водъ:
— „Все кончено, а солнце вновь восходитъ“.

1906.

ВОЗДВИЖЕНЬЕ.

Посв. А. Н. Иерусалимскому.

Изъ сельъ иди, изъ роцъ иди
Къ широкой лобной площади,
Печальный, сирый людъ.
Кричи во всеуслышанье:
„Для праздника Воздвиженья
Погибнетъ тотъ, кто лють“.
Предъ нимъ, судьбою праведнымъ,
И Тѣмъ, Кто мудро править имъ,
Разлей, какъ море, скорбь:
Пусть гибнетъ безразсудное!..
Святися мѣсто судное!
Спины, народъ, не горбъ!
Сегодня крестъ страдальческій,—
Какъ эпилогъ скитальческій,—
Во храмъ водруженъ;
Поставьте жъ крестъ забвенія
Вы, цѣпи жизни звенія,
Толпа мужей и женъ.

Поставьте въ душахъ любящихъ
Вы, легионы въ рубищахъ,
Своимъ невзгодамъ крестъ;
Прощеньемъ награжденные,
Живые, возрожденные,
Заполните окрестъ!

1909.

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ.

Рыцарямъ честнымъ идейнаго мужества,
Всѣмъ за свободу свершившимъ чудесное,
Павшимъ со славой за дѣло содружества —
Царство небесное.

Вѣрнымъ и любящимъ гражданамъ націи,
Объединеннымъ могилою тѣсною,
Дѣтямъ сознательнымъ цивилизаціи --
Царство небесное.

Всѣмъ, закаленнымъ въ стремленія пламени,
Всѣмъ, испытавшимъ мученія крестныя,
Витязямъ доблестнымъ честнаго знамени —
Царство небесное.

Вѣчная слава героямъ несдавшимся!
Вѣчная память и имя извѣстное!
Всѣмъ потрудившимся, всѣмъ изстрадавшимся
Царство небесное!

1909.

РЫЦАРЬ ДУХА.

(Символь.)

Человѣкъ, заковавшій свой разумъ
Въ строгихъ принциповъ духа кольчугу,
Этимъ къ небу возносится разомъ,
Примыкая къ почетному кругу.

Взявши мечъ справедливости въ руки,
Что гимнастикой развиты вѣры,
Онъ идетъ подъ штандартомъ науки
Показать намъ отваги примѣры.

Ждетъ его не одинъ уже недругъ:
Смотришь, Ложь подползаетъ ехидной,
То Соблазнъ на ретивомъ конѣ вдругъ
Пристаеъ къ нему съ рѣчью безстыдной.

Не смущается доблестный витязь,
На ударъ отвѣчаетъ ударомъ,
Грозио кличетъ: „съ пути разступитесь!
И глаза его пышатъ пожаромъ.

Наказуя гордыней объятыхъ,
Онъ — смиренныхъ и правыхъ защита.
Сердце свѣтлое спрятано въ латахъ,
И душа въ нихъ великая скрыта.

Да, мечи изъ Божественныхъ кузницъ
Обладають могучею силой
И, свободными дѣлая узницъ,
Палачамъ угрожаютъ могилой.

1907.

БУНТЪ ВОЛНЪ.

Небо грустно и сиренево,
Какъ моихъ мечтаній фонъ.
Вновь дыханіемъ осеняго
Вѣтра парусъ оживленъ.

...Воды сильны, воды зѣлены,
Какъ идейные юнцы:
Непонятны горъ расщелины
Волнамъ, словно намъ — отцы.

Уговоры вѣтра ласковы,
Онъ волнуешь, манить ввысь,
И, кипучія, отъ ласки вы
Рѣчки - мамы отреклись.

Вы бушуете, взволнованы
Свѣтозарною мечтой,
Тайной мыслью околдованы,
Вызывая все на бой.

И песокъ, и камни съ рыбами
Вы кидаете, грозя
Уничтожить, ихъ ушибами
Награждая и разя.

Все могучими разстрѣляно!..
Уважая смѣлый рискъ,
Вы въ гранитныя расщелины
Шлете бездну свѣтлыхъ брызгъ.

Разукрашенный сѣдинами
Возмущается утесъ
И съ другими исполинами
Шлетъ въ отвѣтъ огонь угрозъ.

Вы смѣтаетесь, волны бѣлыя,
Надъ угрозой стариковъ
И, отважныя и смѣлыя,
Шлете брызги вновь и вновь.

Но какъ дряхлыя расщелины
Не опасны для воды,—
Такъ и брызги, что нацѣлены
Въ нихъ,— безцѣльны и пусты.

1907.

ТЛѢННОСТЬ АДА.

(Интуитивный этюдъ.)

Человѣкъ въ нѣмомъ общеньи
Съ духомъ мертваго безсмертнымъ —
Въ вѣчномъ перевоплощеньи,
Въ воспріятіи инертномъ.

Духъ проходитъ много стадій,
Совершенствоуясь величьемъ;
Только въ высшемъ онъ разрядѣ
Будетъ одаренъ безличьемъ:
Всѣ земныя оболочки
Только временны и тлѣнны
И нужны для проволочки
Достиженья неизмѣнно.
Интуитивностію слуха
Я вдаюсь въ предположеніе —
Совершенствоуванья духа
До извѣстнаго мгновенья:
Духъ достигъ культурной точки,
Предназначенной судьбою,
И, уйдя изъ оболочки,
Кончилъ навсегда съ землею;
Въ этомъ — Рай, — души побѣда;
Въ чемъ же адъ, — вопросъ умѣстный:
Не испытанныя ль бѣды
Въ оболочкѣ брэнной тѣсной?
Этимъ рушу ада вѣчность:
Адъ — въ исканіяхъ предѣла
Перехода въ безконечность
Предъ послѣдней смертью тѣла;
Мнѣ твердятъ инстинкты слуха:
Злые духи есть явленіе
Совершенствоуванья духа
Въ формахъ перевоплощенья.
Резюмирую: нѣтъ злобы
Въ окончательномъ предѣлѣ,

И живетъ она особо
Только въ воплощенномъ тѣлѣ,
Да въ моменты перехода;
Солнце правды торжествуетъ,
Съ голубого небосвода
Насъ надеждою даруетъ.
Рай — въ конечномъ достиженъи
Духомъ вѣчнаго безличья,
Въ безтѣлесномъ воплощенъи
Совершеннаго величья.

1907.

З Д Ъ С Ъ И Т А М Ъ .

(Рефрены.)

1.

Тайна смерти непонятна
Для большихъ умовъ;
Разгадать,— мы, вѣроятно,
Не имѣемъ словъ.
Мнѣ догадка шепчетъ внятно:
„Вѣрь моимъ словамъ:
Непонятное — понятно,
Но не здѣсь, а Тамъ“.

2.

Мысль работаетъ тревожно:
„Жиль, всю жизнь грѣша,

И тебѣ наврядъ ли можно
Рая ждать, душа“.
Другъ, твое сомнѣнье ложно;
Вѣрь моимъ словамъ:
„Невозможное — возможно,
Но не здѣсь, а Тамъ“.

3.

Жиль ты съ другомъ беззаботно,
Гимны пѣль судьбѣ;
Другъ, любимый безотчетно,
Жертвой палъ въ борьбѣ.
Дружій духъ ушелъ обратно,
Словно өмимамъ...
„Невозвратное — возвратно,
Но не здѣсь, а Тамъ“.

1907.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Какъ смѣють хоронить утромъ, когда на небѣ солнце?
Какъ смѣють ковать цѣпи, когда не скованъ вѣнецъ?
Какъ смѣють срывать розу, когда она благоухаетъ?
Какъ смѣють бросать женщину, когда она полна любви?
Какъ смѣють пить воду, когда въ водѣ падаль?
Какъ смѣють улыбаться, когда существуетъ скорбь?
Какъ смѣють надѣяться, когда есть разочарованье?
Какъ смѣють жить, когда жизни нѣтъ?!

1910. Августъ.

ПОХОРОННАЯ ИРОНІЯ.

Мы помолимся, когда придемъ на выносъ:
Господи! Спаси насъ, Господи, спаси насъ!
И подумаемъ, склоняясь надъ могилой:
Господи! Помилуй, Господи, помилуй!
И о жизни мы помыслимъ въ нашемъ тайномъ:
Господи! Подай намъ, Господи, подай намъ!..

1910. Іюнь.

ПОЭТУ.

Лишь гениі доступны для толпы!
Но вѣдь не все же гениі — поэты?!.
Не измѣняй намѣченной тропы
И помни: кто, зачѣмъ и гдѣ ты.
Не пой толпѣ! ни для кого не пой! —
Для пѣсни пой, не размышляя — кстати ль!..
Пусть пѣснь твоя — мгновенья звукъ пустой, —
Повѣрь, найдется почитатель.
Пусть индивидуума клеймитъ толпа:
Она груба, дика; она — невѣжда.
Не лъсти же ей: лесть — счастье для раба,
А у тебя — въ цари надежда...

1907.

ВЕЛИКОМУ СОВРЕМЕННОМУ.

(День 20 ноября 1907 г.)

Въ сѣверномъ небѣ играютъ огни.
Вѣчную жизнь возвѣщаютъ они .

Мирра Лохвицкая.

На пустынной дорогѣ, у старой часовни,
Гдѣ старушка-зима въ бѣлой шубѣ брела,
Гдѣ скрипучій морозъ забирался подъ дровни,—
Наша первая встрѣча, учитель, была.

Кротко встрѣтились мы. Какъ-то ласково молча,
Мы съ тобою пошли въ твой привѣтливый домъ.
Отчего эта пѣсня далекая волчья,
Что сучала тогда, мнѣ звучала потомъ?

Отчего, отчего эти блѣдые блики
Той особой луны не погасли теперь?
Отчего такъ близки, такъ безмѣрно велики
Этотъ домъ, этотъ садъ, эти сѣни и дверь?

Всею гаммою чувствъ, всей душою порывной
Я отдался тебѣ въ незабвенную ночь,
Преклоняясь передъ скорбью твоей непрерывной,—
И,—спасибо тебѣ,—ты не гналъ меня прочь.

Геніальный поэтъ — вдохновенный психологъ
И провидецъ людей съ ихъ бездушіемъ душъ.
Ты взглянулъ на меня... Былъ и грозень и дологъ
Твой внимательный взглядъ. Мнѣ лукавить къ чему жь?—

Я, смутясь, трепеталъ подъ невиданнымъ взглядомъ...
Вдругъ ты всталъ—точно солнце, сверкая лицомъ!
Ты мнѣ мысль подарилъ безконечнымъ нарядомъ,
Ты мнѣ душу объялъ неразрывнымъ кольцомъ.

Мой учитель и другъ! мой отецъ и властитель!
Пусть же сердце играетъ и бьется во мнѣ!
Я къ тебѣ сохраню,—это видитъ Спаситель!—
И любовь, и восторгъ въ непробуженномъ снѣ!

1909. Мартъ.

У К. М. ФОФАНОВА.

(Одинъ изъ вечеровъ у поэта.)

Мигая, лампа освѣщала,
Какъ ландышъ, чистые листы.
Лицо поэта озаряла
Улыбка ласковой мечты.

Я, углубляясь въ воплощенья
Его измученной души,
Слыхалъ, какъ сердце въ упоеньи
Мнѣ пѣло: „стихни... не дыши...“

Съ миражемъ въ вдохновенномъ взглядѣ
Я ароматъ элегій пиль.
Дышало маемъ отъ тетради,
Сиренью пахло отъ чернилъ!

Какъ много разныхъ ощущеній
Я въ этотъ вечеръ воспріялъ:
Страданій, бодрости, стремленій,
Повѣривъ снова въ идеаль.

И въ пору змннюю пахнуло
На насъ вдругъ раннею весной.
Поэтъ молчалъ, жена вздохнула,
Тоскливо пробилъ часъ ночной.

1907.

ПѢВИЦА СТРАСТИ.

(Памяти Мирры Лохвицкой.)

Не слышу больше я пѣсенъ страстныхъ,
Горячихъ пѣсенъ, любовныхъ пѣсенъ,
Не вижу взоровъ ея прекрасныхъ,
И мръ печалень, и сѣръ, и тѣсенъ.
Темнѣеть небо, и вянуть розы;
Тоска мнѣ сердце щемить уныло;
Сгубили юность пѣвицы грозы,
Ее толкнули онѣ въ могилу.
Въ могилѣ дѣва—пѣвица страсти.
Какъ иронична, жестока фраза!

И сердце рвется мое на части:
Какъ это скоро! какъ это сразу!..
    О, какъ контрастно звучать два слова:
    Смерть—замерзанье, а страсть—кипѣнье.
    Ужъ не услышу я пѣсенъ снова,
    Не зарыдаю отъ вдохновенья.
Но что совершилось, то безвозвратно...
Порвались струны, умолкла лира...
Такъ спи жъ спокойно: ты намъ понятна,
Пѣвица страсти горячей, Мирра.

ПОЛУСОНЕТЪ.

Подъ стрекотанье яркихъ мандолинъ
Цвѣла мечта, моя фата - моргана.
Балькись, Мадлэнъ, Морэлла, Вандэлинъ
Проплыли въ даль — какъ бархатъ струнъ органа.

А вотъ еще — Луиза и Мюргить,
Лилить, Робертъ, Агнеса, Сандрильона...
У палевыхъ, олуненныхъ ракичь
Они стеклись ко мнѣ для котильона.

Но подожди, чей призракъ это? Тихъ
Спокойный шагъ въ безмолвіи долины;
Въ его очахъ поетъ ключистый стихъ
И заглушаетъ стрекотъ мандолины.

Средь призраковъ нетлѣнной красоты, —
Ты, авторъ ихъ, прекраснѣе всѣхъ — ты.

1909.
Сентябрь.

РЕКВИЕМЪ.

...И будетъ духъ мой надъ тобой
Витать на крыльяхъ голубиныхъ.

М. Лохвицкая.

Помилуй, Господи, Всесвѣтлый Боже,
Царицу грѣзъ моихъ, Твою рабу,
И освяти ея могилы ложе,
И упокой ее въ ея гробу...
И вознеси ея святую душу,
Великій Господи, въ пречистый Рай...
А если я, Твой рабъ, любовь нарушу,
Своей немилостью меня карай.
Даруй страдальцѣ—любимой, милой—
Познать величіе Твоихъ щедротъ...
Господь, укрой ее! Господь, помилуй!
Услышь, о Господи, мой грѣшный ротъ...
Услышь мольбу мою, и, вѣру множа
Въ Твое сіяніе, внемли рабу:
Помилуй, Господи, Всесильный Боже,
Мою владычицу, — Твою рабу!

1910.
Мартъ.

ОКЕАНУ — КАПЛЯ.

(Посвящается Льву Толстому.)

Сынъ міра — онъ, и міра онъ — отецъ.
Гигантское свѣтило правды славной.
Литературы властелинъ державный.
Добра — скрижалей разума—пѣвецъ.
Онъ мыслью, какъ бичомъ, вселенную разсѣкъ.
Міръ съежился, приниженъ, въ изумленыи.
Бичуя міръ, онъ шлетъ ему прощенье.
Онъ — человѣкъ, какъ левъ. Онъ — левъ, какъ че-
ловѣкъ.

1907.

ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА.

Помните вѣчно завѣты почившаго,
Къ свѣту и правдѣ Россію будившаго,
Страстно рыдавшаго,
Тяжко страдавшаго
Съ гнетомъ въ борьбѣ.
Святель! зерна взошли свѣтозарныя:
Граждане, вѣчно тебѣ благодарные —
Живы завѣтами,
Солнцу обѣтами! —
Слава тебѣ!

1907.

ПАМЯТИ В. БАШКИНА.

Скромнымъ и застѣнчивымъ
Ушелъ отъ насъ онъ, юнымъ...
Я обращаюсь къ струнамъ,
Струнамъ переменчивымъ.
    Пойте, струны въ траурѣ,
    Кончину незамѣтную.
    Элегію отвѣтную
    Моря ль споютъ, дубравы ли?
Я отпѣваю юношу,
Свѣтило мимолетнаго,
Съ любовью жизнь твою ношу
Въ мечтѣ всего безплотнаго.

1909. 17 ноября.

ГРААЛЮ АРЕЛЬСКОМУ,

(Рецензія на его „Голубой Ажуръ“.)

...И сладкій медъ въ
растеньи горькомъ
Находитъ мудрая пчела...

К. Фофановъ.

Я Вамъ скажу, какъ строгій менторъ,
Снимая съ лампы абажуръ:
Вы — идеальный квинтъ-эссенторъ,
И эlegantенъ Вашъ ажуръ...

Когда бь стихи назвать поэзы
И не смущаться свѣта рампы,
Я на мотивы Марсельезы
Вамъ спѣлъ бы наглый диѳирамбъ.
Пускай Верлэнъ съ трудомъ Ренана
Не составляютъ мезальянсъ...
Пью рюмку прянаго Банана
За болѣ спецный ассонансъ...

1911. Октябрь.

ПАМЯТИ Н. А. РИМСКАГО-КОРСАКОВА.

СОНЕТЪ.

Баянъ умолкъ... Слеза его аккордовъ
Еще блеститъ кристалломъ неземнымъ —
Какъ всплески водъ таинственныхъ фіордовъ,
Какъ надъ грѣхомъ безгрѣшный серафимъ.
Онъ жизнь отпѣлъ... Душа вспорхнула гордо
На небеса зефиромъ голубымъ...
Перенеси ударъ, отчизна, твердо,
Воспой его, какъ ты воспѣта имъ.
Пусть задрожать въ сердцахъ народныхъ арфы
И воспоютъ творца Садко и Марѳы;
Снѣгурочка воскреснетъ въ Мая Ночь;
Раздастся гимнъ торжественныхъ созвучій,
Онъ загудитъ, живящій и могучій,
Прославивъ пѣснь,—намъ мать, Баяну—дочь...

1908. Июнь.

Мыза „Ивановка“.

АРНОЛЬДСОНЪ.

...И время треть его своимъ крыломъ.

Ш. Бодлэръ.

Эленъ себѣ искала компаньона,
Желая въ заграничное турнэ;
Жанъ, встрѣтясь съ ней, сказалъ:— „je vous connus:
Вы — грёза Гёте и Тома — Миньона.
Хоть грёза ихъ, положимъ безъ шиньона,
Я,—все равно,—готовъ продлить свой сонъ...
Итакъ, Эленъ, Вы для меня — Миньона,
Чей образъ воплотился въ Арнольдсонъ“.

Пусть, пусть года — нещаднѣе пирата,
Все жъ Арнольдсонъ — конечная Сперата,
Въ ея душѣ святой огонь горитъ.
О, время, время! Смилуйся и сдобрись,—
О, подожди стирать сліянный образъ
Двухъ геніевъ въ лицѣ одной Зигридь.

1910. Благовѣщенье.

ВЪ АЛЬБОМЪ ОЛИМПІИ БОРОНАТЬ.

Есть гдѣ-то край... Есть гдѣ-то край волшебный,
Гдѣ небеса и море — бирюза,
Гдѣ все поетъ кому-то гимнъ хвалебный,
Гдѣ мысль — огонь, и чувство гдѣ — гроза.

И этотъ край, съ его очарованьемъ,
Съ его мечтой, струистой, какъ гранатъ,
Съ его огнемъ, съ его благоуханьемъ
Зоветь любить чарунья — Боронать.

1909. Январь.

ПОВѢСТУШКА ДНЕЙ МАЛЮТЫ.

I.

Тамъ, вблизи отъ пышныхъ гридницъ,
Гдѣ князя въ кругу безстыдницъ —
    Полюбовницъ правятъ пиръ,
Гдѣ истомны горностаи,
И блестятъ при люстрахъ стаи
    Безалаберныхъ рапиръ,
Тамъ разбросились избушки
На темнѣющей опушкѣ
    У заросшаго пруда.
А въ избушкахъ все холопы,
Столяры да землекопы,
    Все сподвижники труда.
У владѣльца, какъ нарочно,
Мысль разнузданно-порочна,
    И капризь его — законъ.
Всѣ боятся, всѣ трепещуть,
Видно, больно плети хлещуть,
    Извиваясь, какъ драконъ.

Княжичъ Оръ изъ зла изваянъ.
У кого такой хозяинъ,
Тотъ и жизнь готовъ проклясть.
Разъ случилось, что Глашурка,
Миловидная дѣвчурка,
Пробудила въ князѣ страсть.
Что приказано — исполни,
А не то, мгновеннѣй молнѣй,
Вспыхнетъ гнѣвъ, — тогда конецъ.
И Глафиру шлетъ къ тирану,
Затаивъ глубоко рану,
Старшій братъ ея кузнецъ.

II.

Глазки Глаши — васильковы,
Озаряютъ они альковы,
Точно звѣзды декабря,
Пробуждаютъ въ князѣ звѣря,
Въ страсть свою всеильно вѣря,
Къ пылу новому храбря.
Не кляла Глафира доли,
Полудикая дотолѣ.
Забрала надъ Оромъ власть
Плеть его давно не хлещеть,
Передъ Глашей Оръ трепещеть,
Проклиная въ тайнѣ страсть.
Что подѣлать! мозгъ безсиленъ,
Точно днемъ при солнцѣ филинъ, —
Сѣло чувство на престолъ.

Всѣмъ привольно, всѣмъ вольготно,
Всѣмъ поется беззаботно,
Весель въ праздникъ людной столъ.

III.

Честь сестры оберегая,
Думалъ Петръ: „пускай другая,
Но не Глаша — безъ вѣнца“.
Онъ одинъ грустилъ въ помѣстьѣ,
И созданъ способъ мести
Вдругъ въ мозгу у кузнеца.
Что вы скажете! вотъ смѣхъ-то!
Когда радостно у всѣхъ-то,
Положительно у всѣхъ,
Вздумалъ мстить крестьянинъ честный,
Замуравленъ въ мысли тѣсной,
Что любовь безъ брака — грѣхъ.

Эхъ, ты, матушка Россія,
Просвѣщенъ, какъ Мессія —
Не идетъ къ тебѣ, хоть плачь.
Ты сама себѣ заноза,
Ты сама себѣ угроза,
Ты сама себѣ палачъ!

1909. Июль.

Мыза „Ивановка“.
Пудость.

ПОХОРОНЫ.

Баллада.

1.

Страна облачается въ трауръ —
Великій поэтъ опочилъ...
И замеръ отъ горя преемникъ,
Чей геній пѣвецъ отличилъ.

Театры беззвучны, какъ склепы;
На зданіяхъ — черный кумачъ;
Притихли людей разговоры;
Безслезенъ ихъ искренній плачъ.

Лишилась держава пророка,
Устала святая звѣзда,
Свѣтившая темному міру
Путь мысли, любви и труда.

Унылы холодныя зори,
И мглисты безцвѣтные дни,
А ночи, какъ горе, глубоки,
Какъ злоба, жестоки онѣ.

Рыдають воспѣтые вѣтры,
Поють панихиду моря,
Листву осыпають деревья
Въ юнѣ, какъ въ дни сентября.

2.

Сіяеть торжественно лавра,
Но сумрачны лики иконъ;
Выходитъ старѣйшій епископъ
Изъ вратъ алтаря на амвонъ.

Выходитъ за нимъ духовенство,—
Оно въ золоченой парчѣ.
Кадило пылаеть лампадъ,
Лампада мерцаетъ свѣчѣ.

Толпой окруженный народа,
Подходить къ собору кортѣжъ;
Но гдѣ же стенанья и слезы,
И скорбные возгласы гдѣ жъ?

Въ толпѣ и природѣ затишье —
Ни жалобъ, ни воплей, ни слезъ:
Когда умирають поэты,
Земное подъ чарами грезъ.

Несутъ свѣтлоокіе люди
Таинственный гробъ къ алтарю,
И славятъ церковные хоры
Загробнаго міра зарю.

Надъ гробомъ склонился преемникъ —
Безмолвень, какъ строгій гранить —
Съ негрѣющимъ солнцемъ во взорѣ
И лунною сѣнью ланить.

Онъ смотритъ на первую маску:
Смерть шутить жестоко и зло..
Онъ видитъ — какъ лиліи руки,
Онъ видитъ — какъ мраморъ чело.

8.

Что смолкли церковные хоры?
Что, въ дивѣ, склонилась толпа? —
Съ небесъ свѣтозарною дымкой
Сквозь куполь струится тропа.

По этой тропѣ лучезарной
Снисходитъ поющій эдемъ;
То звуки нездѣшнихъ мелодій!
То строфы нездѣшнихъ поэмъ!

Очнулся скорбящій наслѣдникъ,
Онъ вѣщую руку простеръ;
И солнце зажглося во взорѣ,
И вспыхнула рѣчь, какъ костеръ.

— Живи! — онъ воскликнулъ, и тотчасъ
Поднялся изъ гроба поэтъ:
Онъ былъ — весь восторгъ вдохновенья,
Онъ былъ — весь величье и свѣтъ!

Онъ принялъ отъ ангела лиру
И молвилъ, отбросивъ аккордъ,
Земною кончиною счастливъ,
Загробнымъ рожденіемъ гордъ:

— О, люди другъ другу не вѣрятъ...
Но лгать имъ не станетъ мертвецъ:
Я пѣсней тебя короную,
И ты — мой наслѣдникъ, пѣвецъ!..

4.

Когда же расплылось видѣнье, —
Какъ жизнь, неразгаданный гробъ
Хранилъ въ себѣ прахъ, еще юный,
И ждалъ его червь-землекопъ.

Отъ чаръ пробужденная лавра
Не знала, — то чудо иль сонъ?..
То зналъ коронованный пѣсней,
Но тайну не вытантъ онъ.

Бряцала ли лира въ соборѣ,
Спускался ль заоблачный міръ,
И кто былъ преемникъ поэта —
Пророкъ, или просто факиръ?..

1908. 17-го окт.

ПРИЗРАКЪ ВЕЛИКОЙ ЦАРИЦЫ.

Баллада.

Глава Екатерины Великой—
великая глава русской исторіи.

Авторъ.

Я шель крещенскимъ лѣсомъ,
Сквозистымъ и нѣмымъ,
Мучительной и смутной
Тревогою томимъ.

Ночь зимняя дышала
Морозно на меня,
Луна лучи бросала
Холоднаго огня.

Таинственностью лѣса
И ночи тьмой смущень,
Я шель, и мнѣ казалось,
Что кѣмъ-то окружень —

Холоднымъ, какъ дорога,
Нездѣшнимъ, словно Богъ,
Неяснымъ, какъ тревога,
Но кѣмъ, — я знать не могъ.

Деревья зарѣдѣли,
И вышелъ въ поле я;
А тамъ, вдали, мерцали
Ужъ огоньки жилья.

Загадочной тревогой
Все болѣе томимъ,
На лѣсъ я обернулся,
Завороженный имъ:
На ели-исполины
Луна, бросая свѣтъ,
Второй Екатерины
Чертила силуэтъ.
Казалось мнѣ: три ели,
Какъ въ сказочномъ кругу,
Царицу воплощали
Въ сверкающемъ снѣгу.
Казалось, три вершины
Въ сляніи своемъ —
Глава Екатерины
Подъ бѣлымъ парикомъ.
Вѣтвей же пирамида
Подсказывала мнѣ,
Что въ мантии царица
Предстала при лунѣ.
Красивой головою
Она качала вновь:
Знать, вѣтромъ колебались
Вершины ихъ стволовъ.
Прорѣзали мгновенно
Мнѣ мысли мозгъ, какъ бичъ,
И могъ я вдохновенно
Видѣнья смыслъ постичь:
Царицы привидѣнье
Надъ лѣсомъ, въ тихомъ снѣ,

Всей жизни измѣненье
Вѣщало молча мнѣ.
    Я вспомнилъ, что, въ сіяньи
    Порфиры золотой,
    Она не мало блага
    Вершила надъ страной;
И вспомнилъ я преданье,
Что этимъ же путемъ
Изъ города, при морѣ,
Рожденнаго Петромъ,
    Она ѣзжала часто
    До шведскаго дворца,
    Доставшагося смертью
    Послѣдняго борца;
Что ею на дорогѣ
Поставлены вездѣ
Внушительные боги
Въ чугунной красотѣ;
    Что эти истуканы,
    Признательные ей
    За ихъ созданье, призракъ
    Являютъ для очей...
И мысли, какъ зарницы,
Сверкали въ головѣ
Предъ призракомъ царицы
Въ морозной синевѣ.
    И какъ все измѣнялось
    Подъ царственнымъ вѣнцомъ,
    Такъ мнѣ теперь казалось —
    И въ бытіи моемъ

Произойдетъ по волѣ
Великой изъ цариць...
И я на снѣжномъ полѣ
Упалъ предъ нею ниць...
1907.

СНѢЖНАЯ ЛЕТАРГІЯ.

(Э т ю д ѣ.)

Посв. *И. А. Дашкевичу.*

Вамъ, чьи прекрасные уроки
Въ душѣ запечатлѣли слѣды,
Вамъ посвящаетъ эти строки,
Васъ понимающій поэтъ.
Въ нихъ не таится смыслъ глубокій
И мысли въ нихъ великой нѣтъ,
Но въ нихъ надежда, вѣра въ свѣтъ —
Кипучей молодости соки.
Примите жъ, другъ мой дорогой,
Этюдъ подсказанный душой —
Дитя минуты вдохновенья.
Безвѣстный авторъ проситъ Васъ
Мольбой своихъ печальныхъ глазъ
Не похвалы, а снисхожденья.

I.

Отъ подводныхъ ключей незамерзшая,
Рѣчка льется, поспѣшная синяя;
Лишь природа, зимою обмершая,
Заколдована въ снѣжномъ уныніи.

Оголились деревья кудрявья,
    Притаились за рѣчкой застѣнчиво —
Словно витязь, увѣнчанный славою,
    Вдругъ развѣнчанъ судьбою измѣнчивой.
Солнце, пылкое въ лѣтніе мѣсяцы,
    Утомилося жизнью палящею,
Бредомъ солнцу минувшее грезится,
    И отрадно ему настоящее.
Часто люди, бездѣлицей каждою
    Увлекаясь, палятся порывами
И, упившись мучительной жаждою,
    Отдыхаютъ мечтами счастливыми.

II.

Я иду и ищу, по наитію,
    Въ лабиринтѣ лѣсномъ указанія;
А тропа аriadниной нитію
    Сокращаетъ пути разстоянія.
Много символовъ міра далекаго:
    Духа добраго, зла инфузорию,
Вплоть до Бога, Собою высокаго, —
    Могъ найти въ сосенъ, елокъ узорѣ я.
Вотъ я вижу лицо Мефистофеля —
    Два рожка и бородка козлиная;
Рядомъ съ нимъ выплываютъ два профиля —
    Чертенята съ улыбкой змѣиною.
Отстрани отъ меня нечестиваго,
    Отъ соблазна избавивъ угарнаго;
Силой разума, злого и лъстиваго,
    Да не сдѣлаютъ мнѣ зла коварнаго.

Вотъ три ели слились въ одной линіи,
И одною мерещатся издали.
Что за символъ надъ снѣжной пустынею,
Да и мѣсто рожденья ихъ чнсто ли?
Преклонись, духомъ смыслъ прозрѣвающій
Откровенья Творца всеединого:
Этотъ символъ, тебя поражающій, —
Знакъ святой Божества тріединого.

III.

Вечерь мягко вздохнулъ и привѣтливо
Убаюкивалъ лѣсъ засыпающій;
Вѣтерокъ обнимался кокетливо
Съ липой, днями былыми мечтающей.
Снѣгъ кружился воздушными грезами,
Какъ онѣ, разсыпаяся въ воздухѣ,
Или плакалъ, разстаявшій слезами,
Какъ о силахъ, накопленныхъ въ роздыхѣ.
Сколько грусти въ моментъ усыпленія,
Въ зимній вечеръ, въ деревьяхъ мертвѣющихъ —
Словно тысячи душъ въ угнетеніи
Здѣсь собрались, о раѣ жалѣющихъ!
Вѣтерокъ напѣваетъ мелодіи,
Отъ которыхъ душа разрывается.
Это — пѣсенки смерти пародіи;
Кто-то съ кѣмъ-то надолго прощается...

IV.

Заблеститъ солнце яркое, вешнее,
Разукрасятся вѣтви одеждою,

И пробудится — силой нездѣшнею —
Вновь природа горячей надеждою.
Забурлять воды радостнымъ говоромъ,
Пробужденныя царственнымъ голосомъ;
Разогрѣтыя солнечнымъ поваромъ,
Вновь поля разукрасятся колосомъ.
Птица станетъ слетаться за птицею
Изъ-за синяго моря свободнаго...
Какъ отраднo весною-царицею
Грезить въ царствѣ Мороза холоднаго!

V.

Такъ и мы, какъ природа уснувшая
Въ пору зимнюю — въ смерти мгновеніе:
Насъ не манитъ земное минувшее
И бодритъ свѣтлый лучъ возрожденія.
О, не плачьте, друзья безутѣшные:
Мы вѣдь живы душою безсмертною —
Нашей мыслью послѣдней безгрѣшною,
Нашихъ близкихъ молитвой усердною.

1907.

II.

ЭТО БЫЛО ТАКЪ НЕДАВНО..

NOTTURNO.

Это было въ самомъ дѣлѣ,
Или только показалось.
Надъ рѣкой мы ночь сидѣли,
Но ни слова не сказалось?
Гдѣ — не помню; какъ — загадка,
Повстрѣчались мы любовно...
Сонно фыркала лошадка,
Отведенная за бревна.
Кто-то пѣлъ подъ арфы гуторъ,
Кто-то что-то мнѣ отвѣтилъ...
Спалъ въ бреду вишневомъ хуторъ,
Какъ сляянье наше, свѣтель.
Думалъ я, сгибая прутикъ:
„Точно радость, ты коротокъ“...
И на насъ смотрѣвшій лютикъ
Былъ, какъ чувства наши, кротокъ.
И хотѣлось, и желалось
Безъ конца истомы въ тѣлѣ...
Это только мнѣ казалось,
Или было въ самомъ дѣлѣ?

1911.

ЛИЛИИ ДУШИ.

А. На—ой.

Лили, лили чистыя,
Звѣзды саронскихъ полей...

М. Лохвицкая.

Въ свѣтозарной душѣ бѣлыхъ лилій посѣвъ
Расцвѣтетъ для усладъ урожая,
И болотный туманъ испарится, осѣвъ,
Только солнце дохнетъ, угрожая.
Въ свѣтозарной душѣ—лилій бѣлый посѣвъ,
И такая душа—всѣмъ чужая.

Какъ расцвѣтъ золотистъ! какъ расцвѣтъ ея бѣлы
Помнишь?—днемъ лепестки перелили
Гаммой радуги звонкой,—но лучъ ослабѣлъ,
И померкли мелодіи лилій.

А зарею опять тихій колоколь бѣлъ,
Сердце златно лучи распалили.

Безъ боязни собирай бѣлоснѣжный посѣвъ,
Тоть собирай, кто—исчадье порока.
Пусть тебя не страшитъ окружающій зѣвъ:
Эта жатва не знаетъ упрека...

Ты надменно пожнешь искупленья посѣвъ,
Но души не поймешь—какъ пророка...

1909. Ноябрь.

МИМОХОДОМЪ.

Зоя О.

Она заходитъ въ годъ раза два...
Совсѣмъ случайно... мимоходомъ...
Ея движенья, ея слова —
Какъ и давно, какъ прошлымъ годомъ.
Все та же гордость, все тотъ же ледъ
И равнодушье напускное;
И то — паденье, и то — полеть,
Полувражда, полуродное...
Но эти взгляды, — они не лгутъ...
Въ нихъ даже ненависть любовна...
Въ нихъ столько чувства, такой уютъ,
Что, право, дышится неровно.
Но блещутъ ядомъ ея слова,
Цинично - мучающимъ ядомъ.
Она заходитъ въ годъ раза два...
Такъ... мимоходомъ... бывши рядомъ...

1909. Сентябрь.

ВЫЙДИ ВЪ САДЪ...

Выйди въ садъ... Какъ погода ясна!
Какъ застѣнчиво августъ увяль!
Распустила коралль бузина,
И янтарный боярышникъ — вяль.
Эта ягода — яблочко - гномъ...
Какъ кудрявый кротекусъ красивъ.
Скоро осень окутаетъ сномъ
Теплый садикъ, дождемъ оросивъ.
А пока еще — зелень вокругъ,
И вверху безмятежная синь;
И у клена причудливыхъ рукъ —
Много сходнаго съ лапой гусынь.
Какъ оливковы листики грушъ!
Какъ призывно плоды ихъ висятъ!
Выйди въ садъ и чуть-чуть поразрушь, —
Это осень простить... Выйди въ садъ.

1909. Августъ.

Мыза „Ивановка“.

КАТЮЛИНЬКА.

Гуля — гулинька, гуля — гулинька,
Съ бѣлымъ крылышкомъ голубокъ...
Это ты, мой другъ, ты, Катюлинька.
Ты, Катюлинька, мой дружокъ?
Осень дымчата. Лѣсъ и хижина.
День склоняется. Ночь близка.
Ты обижена... Ты унижена...
Ты любима мной, — какъ тоска...
Двери скрипнули. Бьется крылышко, —
То колышется твой платокъ...
Гдѣ ты, молодость?.. гдѣ ты, силушка?..
Гдѣ Катюлинька — мой дружокъ?..

1909.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Я пробѣгаю мокрой рожью,
Ищу во ржи огнистый мячъ...
И слышу — вижу: къ Запорожью
Течетъ Олонецкій Кивачъ.
И Лена лентится къ Дунаю,
Войдя въ Байкаль, грома Алтай...
О, ты поймешь — я это знаю,
Но берегись, — не разболтай...
Спадаетъ съ неба Сакраменто,
Земля — сплошная бирюза...
Привѣтъ тебѣ, миражъ момента —
Молніеносная гроза!

1910. III.

ВЪ САМУМЪ.

Меня качаль двухгорбно
Верблюдь, корабль пустынь,
Мнѣ было скорбно - скорбно,
Цвѣла въ душѣ полынь.
Вдали пестрѣль оазись,
Бездумень былъ самъ умъ,
Вдругъ небеса порвались,
И взвихрился самумъ.
Свистѣло что-то гдѣ-то,
Кружился кто-то тамъ;
И кѣмъ-то я раздѣта,
И кто-то льнетъ къ устамъ...
Чаруетъ черный голосъ,—
Слабѣю отъ борьбы...
Сдаюсь... Но я боролась,
Цѣпляясь за горбы.
Молиться?.. — нѣтъ святыни...
Я гибну... я въ тоскѣ...
Верблюдь, корабль пустыни,
Топа меня въ пескѣ!

1911.

РЕЗЕДОВЫЙ БУКЕТЪ

Испуганно внемля далекой ракетѣ,
Когда задремали въ истомѣ сады,
Купая лицо въ резедовомъ букетѣ,
Она понимала мірокъ резѣды.
„О, какъ бархатисты, какъ томно - кудрявы“,
Она обращалась чуть слышно къ цвѣтамъ:
„Я вѣрю: вы чутки, и люди неправы,
Когда васъ срываютъ, — вѣдь больно же вамъ...
Я въ вазу поставлю васъ, цвѣтики, въ вазу
Съ такою холодной прозрачной водой...“
Цвѣты эту ласку восприняли сразу
И къ ней потянулись душистой мечтой.
Онѣ благодарны, цвѣтковые души, —
Она это знала... Но выпалъ букетъ,
И, всѣ ихъ измявъ крошкой - тувелькой въ плюшѣ,
Она разрыдалась, упавъ на паркетъ...

1909.

Я ХОЧУ...

Я тебя постараюсь простить,
Какъ прощаетъ свѣчу мотылекъ...
Пусть отнынѣ тебѣ я далекъ,
Но приди же меня навѣстить.
Приходи, какъ бывало, гостить,
Не ввѣряйся обиды прашу.
Я хочу... я могу... я прощу...
Я тебя постараюсь простить...

1909.

РОНДЕЛЬ.

Лионель—пѣвецъ луны.

Мирра Лохвицкая

Я—лунопѣвецъ Лионель—
Пою тебя, моя царица.
Твоимъ лучомъ да озарится
Моя унывная свирѣль.
Пою въ сентябрь, пою въ апрѣль...
Пока душа не испарится,
Я, лунопѣвецъ Лионель,
Пою тебя, моя царица.
Сотки туманную фланель,

Луна, любви и нѣги жрица,
И пусть тобой осеребрится
Измученный полишенель—
Твой лунопѣвный Лионель...

1911. Мартъ.

ИНТРОДУКЦІЯ.

Не было, можетъ быть, этого?
Можетъ быть, это и было?..
Тайна пруда фіолетова,
Мѣсяць—что солнце безъ пыла.

Кто-то, какъ нимфа, загадочный,
Въ тальмѣ, какъ страсть, беспорядочной,
Дышитъ въ лицо мнѣ гвоздикой
Съ улыбкой восторженно-дикой...

Хочется мнѣ ненасытнаго,
Этого тайнаго *этого*..
Мѣсяца звѣздносвитнаго!
Воды, гдѣ глубь фіолетова!..

1909. Январь.

Г Л А З Е Н К И .

Твои глазенки, какъ небо—тучки,
Застлали думы, и я, какъ вождь
Твоихъ мечтаній, лелѣялъ ручки,
Боясь, что хлынетъ изъ глазокъ дождь.

Крылила чувства въ саду пѣвунья,
И раздушила мечты сирень...
Ты прояснилась, моя шалунья,
Защебетала, какъ майскій день.

Нѣтъ мѣста грусти! нѣтъ русла слѣзамъ!..
Подъ звонъ природы тюрьму ломай!..
Свободу чувству! свободу грезамъ!
Свободу страсти!—такъ хочеть май.

1908. Октябрь.

ЧТО — ЖИЗНЬ?..

Что — жизнь? грядущимъ упоенье
И ожиданье лучшихъ дней.
А смерть — во всемъ разувѣренье
И издѣвательство надъ ней.

И я — какъ жизнь: весь — скорбь, весь близость
Къ тебѣ, готовый вновь расцвѣсть...
А ты — какъ смерть: вся — зло и низость,
Вся — безсердечіе и месть.

1908. Октябрь.

ТРИОЛЕТЫ.

Вы знаете осеннюю весну
Своей любви унылыхъ увлеченій,
Своей души сонливыхъ пробужденій, —
Встрѣчали ль вы осеннюю весну?
Какая ширь стыдливыхъ сновидѣній!
Какая пропасть къ огненному сну!
Цѣнили ль вы осеннюю весну,
Весну своихъ безплотныхъ увлеченій?

Улыбокъ нѣтъ. Живительныя слёзы
Однѣ поятъ измученную грудь.

Тогда... тогда о страсти позабудь.

Улыбокъ нѣтъ: ихъ захлестнули слёзы.

Грезь, только грезь,— замѣнять чувства грезы,

Тебѣ себя удастся обмануть...

Улыбокъ нѣтъ. Мечтательныя слёзы

Однѣ поятъ истерзанную грудь...

1908. Юнь.

Лигово.

ЛЮБОВЬ —

Любовь — это сонъ въ сновидѣнїи...

Любовь — это тайна струны...

Любовь — это небо въ видѣнїи...

Любовь — это сказка луны...

Любовь — это чувственныхъ странъ душа...

Любовь — это дѣва внѣ формъ...

Любовь — это музыка ландыша...

Любовь — это вихрь! это штормъ!..

Любовь — это дѣвственность голая...

Любовь — это радуга сновъ...

Любовь — это слѣзка веселая...

Любовь — это пѣсня безъ словъ!..

1908. Ноябрь.

ТВОЙ ДОМИКЪ...

И. Д.

Твой домикъ затерянъ въ уснувшемъ лѣсу,
Гдѣ рѣчки капризны извины.
Утрами ты любишь смотрѣть на росу —
На слёзы тоскующей ивы.

Мой уголь — гдѣ улицы, ругань и шумъ.
Оградой отъ нихъ подоконникъ,
Гдѣ роза улыбкой чаруетъ мой умъ.
— Ты — ивы, я — розы поклонникъ.

1908. 12 окт.

СТАНСЫ.

Скорбишь ли ты о смерти друга,
Отца любимого ль, сестры,—
Утѣшься, добрая подруга,
Въ возмездье вѣруя поры.
Нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго бѣнья,
Нась всѣхъ удѣль единый ждеть.
Поддержку черпай въ изрѣченьи:
„Со смертью міра смерть умереть“.

1907.

РОНДО.

О, не рыдай надъ мертвымъ тѣломъ
И скорбь свою превозмоги:
Душа ушла въ порывѣ смѣломъ
Изъ міра мрака и тоски.
Не плакать,— радоваться надо:
Души счастливый переходъ —
Не наказанье, а — награда,
И не паденье, а — восходъ.
О, не рыдай надъ мертвымъ тѣломъ,
Молись за вознесенный духъ,
Надъ прахомъ же осиротѣлымъ
Не расточай души: онъ глухъ.
Нѣтъ, не рыдай надъ мертвымъ тѣломъ...

1907.

ЖИЗНЬ СЧИТАЕШЬ ЛИ...

Жизнь считаешь ли бесполезною,
Утомилась ли ты, скитáлница,—
Не кручинься, моя болѣзная,
Крѣпни духомъ, моя страдалица.
Небеса,— смотри,— какъ лазоревы;
Видишь зорьку въ нихъ, въ даль манящую?
Приласкали бы, хотя зори вы,
Душу чуткую и скорбящую.

1907.

ГРЕЗЫ МИНЬОНЫ.

Памяти сестры Зои.

Знаешь рошъ лимонныхъ шорохъ,
Край огнистыхъ померанцевъ?
Сколько пѣсенъ, сколько танцевъ
Тамъ въ лѣсахъ, моряхъ и горахъ.

Тамъ, какъ пѣсни, звучны краски,
Тамъ, какъ краски, сочны пѣсни...
О, душа моя, для ласки
И для жизни тамъ воскресни!..

1908. 21-го окт.

Л А С Т О Ч К И.

Дуэтъ изъ „Mignon“.

МИНЬОНА.

Вы, ласточки-касатки,
Туда летите вдаль,
Гдѣ взоры женщинъ сладки,
А зубки — какъ миндаль;
Гдѣ щечки — абрикосы,
А губки — какъ коралль,
Гдѣ круты горь откосы,
Гдѣ все поетъ хоралъ.

ЛОТАРІО.

О, ласточки-летуны,
Туда летите вы,
Гдѣ встрѣтятъ васъ пѣвуньи
Въ просторѣ синевы.
Мгновенья счастья кратки,
Всѣмъ горе дастъ медаль...
О, ласточки-касатки,
Летите ввысь и вдаль!

1909. Іюнь.

Мыза „Ивановка“.

КО ДНЮ РОЖДЕНІЯ.

Я пришелъ тебя поздравить
Съ новымъ годомъ дней твоихъ:
Приласкай же, какъ ласкала
Въ пору радостей былыхъ.
    Улыбнись былой улыбкой,
    Что душѣ моей мила.
    О, какое бы мнѣ счастье,
    Улыбнувшись, дать могла!
Улыбнись же снова, дѣтка,
Птичка, звѣздочка души,
Поцѣлуй любовно, сладко,
Слово нѣжное скажи.

И тогда тебя поздравлю,
По примѣру лѣтъ былыхъ,
Не со счастьемъ, а съ терпѣньемъ —
Грустной старью дней твоихъ.

1908.

ЛЕПЕСТКИ РОЗЪ ЖИЗНИ.

I. ВСТРѢЧА.

Сонетъ.

Мы встрѣтились холодною зимою
Въ селеніи, заброшенномъ въ снѣгахъ,
И поняли: пришелъ конецъ покою —
Любовь опять забрезжилась въ сердцахъ.
Я видѣлъ Васъ всегда въ своихъ мечтахъ,
И были Вы любимую мечтою.
— Я Васъ люблю, — такъ думалъ я порою;
Что любите, — читалъ у Васъ въ глазахъ.

Любовь опять забрезжилась при встрѣчѣ;
Смотрите: разрастается она,
Свободна, какъ могучая волна.
Весна зоветъ желанія на вѣче;
Я знать хочу: что скажетъ имъ весна?
Какія имъ она нашепчетъ рѣчи?

С.-Петербургъ.

Январь. 1906 г.

II. „Никогда, никогда“.

Ты сказала: „пойдемъ мы съ тобою туда,
Гдѣ впервые увидѣлись мы“.
И пошли мы съ тобой. И вела насъ мечта
Къ лѣту знойному, вдалѣ отъ зимы.

Все твердилъ, что люблю. То же слышала въ отвѣтъ.
Ручку нѣжно цѣлуя твою,
Я тебѣ говорилъ, мое солнце, мой свѣтъ,
Что къ тебѣ въ своемъ сердцѣ таю.

— „Намъ дорогой одной никогда не итти“, —
Ты со вздохомъ сказала, грустя.
— Отчего же двумъ розамъ вблизи не цвѣсти,
Лепестками — „люблю“ шелестя?

Дорогая, скажи: что разлучить съ тобой?
Я бороться хочу: силы есть.
— Позабудь поскорѣй, какъ холодной зимой
Повстрѣчались... Разлучница — честь“.

Что я сдѣлать могу, чтобы честь сокрушить?
Да и стану ль ее сокрушать?..
Но тебя буду вѣчно и нѣжно любить,
И надѣяться тщетно, и ждать.

Но тебя позабыть... Что за тяжесть труда!
Да и зря! — не могу позабыть.
Будь моею! будешь? да? — „Никогда! Никогда!
Не могу никогда твоей быть!“

— Почему? но послушай: мнѣ больно... пойми:
Я страдаю... скажи, почему?
Отвѣчай поскорѣй, мнѣ души не томи.—
„Хорошо, я отвѣчу: къ чему?“

— Какъ къ чему?.. я люблю тебя страстно, хочу
Обладать тобой. Молви же: да.—
Но напрасно въ мечтахъ я высоко лечу —
Мнѣ въ отвѣтъ: „Никогда, никогда!“

О, скажи: отчего холодна ты со мной?
Ты призналась, что любишь меня...
Такъ обнимемся жъ крѣпко и жарко съ тобой,
Поцѣлуемся жарче огня.

Въ поцѣлуяхъ найдемъ мы усладу. Скорѣй!
Ну, не будь холодна и тверда...
Приласкай понѣжнѣй, поцѣлуй горячѣй,
Будь моей!— „Никогда, никогда!“...

С.-Петербургъ.
Январь. 1906 г.

III. Одно изъ минувшихъ свиданій.

Мы съ тобой говорили, съ любовью смотря
Другъ на друга, о нашихъ невзгодахъ.
И алѣла любви безразсудной заря
И вѣщала о солнечныхъ годахъ.

Пріоткрыла мнѣ сердце. Я видѣлъ, что въ немъ
Только съ честностью правда да горе;
И, что это я видѣлъ, ты знала о томъ
Въ моемъ грустномъ, довѣрчивомъ взорѣ.

Ты меня понимала, какъ берегъ волну,
Что порою несеть ему ласки,
И любила меня, словно роза весну,
Словно грезы — волшебныя сказки.

Грусть ковала сердца, и хотѣлось, — чего?
Нѣги? страсти? лобзаній и зноя?
Разумѣтся, нѣтъ: не хотя ничего,
Мы съ тобою хотѣли покоя.

Позабыться хотѣли отъ горя и лжи,
Удалиться хотѣли въ пустыню,
Чтобы отдыхъ найти для усталой души,
Чтобъ забытую вспомнить святыню.

Молодые сердца бились звучно, и въ нихъ
Столько удали было и силы,
Столько чувствъ вдохновенныхъ и чисто святыхъ,
Что молчать намъ немислимо было.

Твои губы внезапно обжегъ поцѣлуй.
Ты зардѣлась: онъ огненъ и жутокъ.
Это я, пылкой страсти своей златоструй,
Потерялъ на мгновенье разсудокъ.

Но встрѣчаетъ препоны неопытный шагъ,
А затѣмъ ужъ свободна дорога;
Мы съ тобой цѣловалися много...
О, порывъ! Что за чудный, волшебный ты магъ!

Лишь утихла, какъ все и должно утихать,
Страсть, что вспыхнула ярко искрой,
Мы съ тобою печальны и сонны опять,
И ничтожны предъ жизнью быстрой.

С.-Петербургъ.

17-го февраля 1906 г.

IV. ТРІОЛЕТЪ.

Зачѣмъ ты говорила: „никогда“,
Когда тебя молилъ я быть моею
И, чувство обмануть въ себѣ сумѣя,
Зачѣмъ ты говорила: „никогда“?
Теперь ты говоришь: „твоя всегда“,
И до сихъ поръ понять я не умѣю:
Зачѣмъ ты говорила: „никогда“,
Когда тебя молилъ я быть моею?

1906.

ЭЛЕГИЯ.

Я ко всѣмъ тебя ревную
И — страдаю —
Все печалюсь, все тоскую,
Дорогая.
Все сомнѣнія терзаютъ,
Сушатъ душу;
Голосъ тайный напѣваетъ:
„Все разрушу“...
Тайный голосъ, страшный голосъ,
О, проклятый!
И сгибаюсь, словно колось,
Въ полѣ сжатый.

1906.

ЦАРЕВНА СУДЫ.

Помню я вечеръ — всѣ въ слѣзахъ деревья;
Бѣлой вуалью закрылась земля;
Небо безцвѣтно. Сижу я надъ Судой,
Шуму водъ чистыхъ съ любовью внемя.

Лодка на якорѣ; въ центрѣ я русла;
Жадно смотрю на поверхность рѣки;
Тамъ, подъ поверхностью этой стальной,
Мнятся мнѣ пальцы прекрасной руки.

Пальцы зовуть меня нѣжнымъ изгибомъ;
Въ грезы впадаю... Предъ мною дворецъ;
Нимфы, сирены несутъ меня ко дну;
Передъ царевной встаю, наконецъ.

Эта царевна — изъ Суды русалка:
Блѣдное тѣло, и въ страсти глаза;
Губы — магниты; широкія груди;
Нѣжно-волнисты ея волоса.

Взглядъ ея манить... Одно лишь движенье —
Новый отгѣнокъ велитъ отступить...
Новые взоры, и — новыя чувства:
Хочется плакать, сердиться, любить...

Судская дѣва мнѣ все жъ недоступна,
Хоть и играетъ порою огнемъ.
Я очарованъ, озлобленъ и жажду
Думать о призрачномъ счастьѣ своемъ.

Я забываю, что я ей не пара,
Что создана она не для меня:
Я — сынъ свободы, она — дочь неволи:
Мы вѣдь контрастнѣй воды и огня.

Я постепенно отъ грезъ пробуждаюсь,
Снова мечтаю, теченью внемля.
Небо безцвѣтно; всѣ въ слезахъ деревья;
Бѣлой вуалію закрылась земля...

Портъ - Дальній.

6-го августа 1903 г.

ОБМАНЩИЦА - ВЕСНА.

Ты помнишь мнѣ въ письмѣ дала такой вопросъ:
„Что принесеть съ собой весна? — печаль и горе,
Иль радость свѣтлую безъ зла житейскихъ грозъ.
Широкую, какъ степь, безбрежную, какъ море?..“

Я промолчалъ тогда, предчувствуя впередъ,
Что принесеть съ собой весна, — цвѣтовъ царица, —
Я промолчалъ тогда и ждалъ, когда чередъ
Зиму - кудесницу заставить въ страхѣ скрыться.

...И вотъ весна пришла... Ты счастье получила:
Она тебѣ его въ подарокъ принесла.
А мнѣ, хотя она могилу посулила,
Но до сихъ поръ ея еще все не дала...

Портъ - Дальній.
Сентябрь 1903 г.

НЕСБЫТОЧНЫЙ СОНЪ.

Ты снилась мнѣ прекрасной, какъ всегда,
Способной понимать мои страданья.
Я шель къ тебѣ, я звалъ тебя туда,
Гдѣ на яву прекрасно, какъ въ мечтаньи.

Я звалъ тебя, но зовъ мой умиралъ,
Меня за дерзость страшную карая;
Преступникъ я; тебя я въ мысляхъ звалъ
Любить въ предѣлахъ Божескаго Рая.

...О, если бѣ Онъ воздалъ за муки мнѣ
Твою любовь хотя за крышкой гроба, —
Моя душа нашла бѣ покой вполне
Отъ мысли — мнѣ смѣшно! — „мы любимъ оба...“

Портъ - Дальній.

7-го декабря 1903 г.

БЕЗОТРАДНАЯ ЖИЗНЬ.

Шесть мѣсяцевъ прошло ужь съ того дня,
Какъ... но зачѣмъ?.. Намъ то безъ словъ понятно.
Шесть мѣсяцевъ терзаній для меня
И впереди не мало, вѣроятно...

И впереди не мало сердца мукъ;
Подумать страшно,— страшно и ужасно...
Я вѣрю, что любовь моя не звукъ —
Она безмѣрна, истинна и властна.

Я вѣрю, что любовь моя — вся власть:
Она неизмѣряемая сила...
Та сила меня рушить. Скоро пасть
Подъ тяжестью я долженъ... Жди, могила.

Любовь — причина горя и тоски:
Начало слезы, подъ конецъ молчанье...
Молчанье статуи, тупое... Столбняки,
Безчувствіе — послѣдствія страданья.

Ужасныя послѣдствія... Жизнь, какъ сонъ,
Растительная жизнь; мысль безъ сознанья.
Нѣтъ больше слезъ... Стѣна со всѣхъ сторонъ
Изъ тупости, а я... я въ этомъ зданьи...

Я въ зданьи тупости... И я... я тоже тупъ...
Я отупѣлъ... О, Боже справедливый!

Нѣтъ больше слезъ... Я мучусь, но я грубъ...
И муки грубы... тѣни нѣтъ красивой...

И чувства грубы... Но ужъ чувствъ - то нѣтъ...
О, что со мной...

Портъ - Дальній.
28-го октября 1903 г

ПИСЬМО.

— „Ну, что ты дѣлаешь?“ — ты говоришь въ письмѣ...
Какъ тяжело давать отвѣтъ мнѣ, дорогая.
Сплошной туманъ въ моемъ измученномъ умѣ,
И въ жизни многого ужъ я не понимаю.

Я познакомился и съ горемъ, и съ нуждой,
Съ житейской прозою въ мучительной разлукѣ,
Я ослабѣлъ своей весеннею душой;
Глубоко грудь болить, мои безсильны руки.

И въ жизни цѣли нѣтъ, ни жажды, ни борьбы...
Все рухнуло... Ну чѣмъ я лучше автомата?
Проклятыя грозныя пришли смѣнить мольбы...
Сестра моя, мой другъ, о, дай поддержку брату.

О, подбодри меня на трудный жизни путь,
О, приласкай меня, въ дорогу отправляя!
А тамъ, измученный, пойду я какъ-нибудь
Туда, куда ты мнѣ прикажешь, дорогая...

1905.

СЕРДЦУ — СЕРДЦЕ.

(I — II).

1. Элегія.

Моими слезами земля орошена
На мысь маленькомъ при рѣчкѣ быстрой устьи.
Есть тамъ высокая тоскливая сосна,
Есть въ пѣснѣ дерева не мало нѣжной грусти.
Моими грѣзами впервые создана,
Запечатлѣлась ты въ нежизненномъ убранствѣ;
И та высокая тоскливая сосна —
Моя любовь къ тебѣ въ священномъ постоянствѣ.

1907.

2. Стансы.

Ты подошла къ волнуемой струями,
Ласкаемой туманами рѣчкѣ;
Съ раскрытыми отчаяньемъ зрачками
Ты вспомнила о комъ-то вдалекѣ.
Тамъ кто-то плыль куда-то въ мгlistой дали,
Кольнула сердце чья-то вдругъ тоска.
Застыла ты... Деревья застонали.
Вздыхнула ночь. Заплакала рѣка.

1907.

3. Рэфрэны.

Держу-ли путь зимою въ снѣжномъ полѣ,
Плыву-ли я въ ладѣ морскою синью,
Мнѣ грезятся мечи щемяшей боли
Ея бездонныхъ сѣрыхъ глазъ унынья.

Я чувствую, что въ этомъ злобномъ мірѣ,
Въ трясинѣ жи, какъ смерть, всегда одинъ я;
Что буду пѣть всегда на слёзной лирѣ
Ея бездонныхъ сѣрыхъ глазъ унынье.

1907.

4. Рѣка поеть...

Рѣка поеть... Порогъ, обросшій мохомъ,
Какъ я, угрюмъ, тоскливъ и одинокъ;
Камышъ дрожить съ печальнымъ тихимъ вздохомъ,
Когда его тревожитъ мой челнокъ.

Ночь грезить солнцемъ... Ширь рѣки мелодій
Чаруетъ ночь и грезящихъ людей.
Ночь кончитъ жизнь при солнечномъ восходѣ,
Какъ я, рѣшась назвать тебя своей.

1907.

ТРИОЛЕТЪ.

Бываль ли ты въ лѣсахъ полей—
Лѣсахъ цвѣтовъ?
Что — голубѣе? Что — алѣй?
Все такъ пестро въ лѣсахъ полей...
Я хохочу. Я пѣть готовъ,
И даже жить мнѣ веселѣй.
И я пою лѣса полей,
Лѣса цвѣтовъ.

1909. Июль.

Мыза „Ивановка“.

ЗВЕНО ЛЮБВИ.

Я разрубилъ докучный узелъ,—
И оборвалась наша связь.
Я взмахомъ этимъ счастье сузилъ
И ураганомъ поднялъ грязь.

Не измѣрай мой шагъ позорный
И не ищи любви звена!
Подъемъ души моей нагорной
Замедлить страшная вина.

1909. Май.

Мыза „Ивановка“.

СКАЗАНЬЕ НОЧИ.

Л. А.

Мнѣ ночь говорила сказанья,
Я смутно ее понималъ
И, въ бѣшенствѣ, всѣ достоянья
Грядущаго дня изломалъ.

Не вѣрилъ я лживымъ посуламъ
Врага — обольстителя — дня,
Пьянѣя раздольнымъ разгуломъ,
Разсудокъ порокомъ дразня.

Не вѣрилъ. Но только съ зарею
Блеснуло мнѣ солнце, я — вновь
Овѣянъ горячей игрою
Лучей, гдѣ сіяетъ любовь.

Уходить съ улыбкой презрѣнья
Любовница хитрая — ночь.
Прости меня, день, за сомнѣнья
И мщеньемъ себя не порочь!

1909. Май. 4.

Мыза „Ивановка“.

МНѢ ВЕСЕЛО ГРУСТИТЬ...

Мнѣ весело грустить о звонкихъ треляхъ,
О майскихъ кликахъ,
Когда мы просыпались при свирѣляхъ
Въ лазурныхъ бликахъ.

Какъ были хороши тогда улыбки
На лицахъ свѣтлыхъ!
Такъ часто серебрятся въ рѣчкѣ — рыбки,
И росы — въ ветлахъ.

1909. Мартъ.

ПРОШЛИ ГОДА...

Тебя мнѣ встрѣтить не хотѣлось бы,
Когда разстались мы въ грозѣ.
— Живя въ избѣ, я не хотѣлъ избы,—
— Слеза растопится въ слезѣ.—

Прошли года. Любовь — забава намъ.
И вотъ опять хочу твой взоръ.
— Кто шевелился ли подъ саваномъ?
— Кто передалъ ли грезъ узоръ?

1909. Июнь.

Мыза „Ивановка“.

ФАНТАЗІЯ.

Былъ взглядъ ея надменень
И черень, какъ порокъ.
Я зналъ, что слабъ и плѣненъ,
Когда скрипѣлъ порогъ.

Бывало: вечеръ сонень,
Вуалится туманъ,
Я вижу обликъ Сонинъ,
Неясный, какъ обманъ.

Придетъ и сядетъ: „Здравствуй“.
Угрюмъ я: „въ чемъ нужда?“
— О, милый, не коварствуй,
Что я тебѣ чужда.

Невольная улыбка
Раскружить губы мнѣ,
Мечта нырнетъ, какъ рыбка,
Въ сердечной глубинѣ.

А дѣва сладострастно
Прижмется — и возьметъ,
Но какъ — и мнѣ неясно...
Кто знаетъ? кто пойметъ?

1909. Май.

Мыза „Ивановка“.

НЕ ПОНЯТЬ.

Отчего ты, дорогая, такъ ко мнѣ несправедлива?

Отчего ты не простила? не сказала ничего?

Отчего не улыбнулась примирительно-стыдливо?

Отчего же, дорогая? отчего?

Что люблю въ тебѣ — ты знаешь, какъ люблю — тебѣ
известно,—

Почему же мы разстались и обязаны чему?

Наша страсть неудержима, мы сплелись другъ съ дру-
гомъ тѣсно,

Почему жъ ты не вернешься? почему?

Ты страдаешь одиноко, я страдаю передъ всѣми,

Мы не можемъ жить въ разлукѣ, но не можемъ — и
вдвоемъ.

Что за странное проклятье нашей страсти скрыто въ
сѣмѣ?

Никогда,—о, никогда!—мы не поймемъ...

1909. Июль.

Мыза „Ивановка“.

ДИНА.

Тридцать весенъ встрѣчала она,
Отдавалась безстыдно не разъ,
Но была ли хоть разъ влюблена,
Влюблена отъ души, безъ прикрасъ?

Отчего такъ ее я хотѣлъ?
Я вѣдь въ ней не нашель ничего,
Кромѣ жажды познанія тѣль.
Но ея хотѣлъ... Отчего?

Эти шелесты, краски, духи
Опьяняли меня, какъ толпа,
Распѣвала Баркова стихи
И была невозможно глупа.

А въ дурманной ея красотѣ,
Въ дерзкихъ ласкахъ ея и словахъ
Мой разсудокъ терялся въ правахъ,
И... сияла она въ высотѣ...

Ноябрь.

ЗИНА.

Кроткая, лѣнивая, ласково-покорная,
Скромно-миловидная пошлая мѣщанка
Не могла увлечь меня вялая, повторная,
Въ каждомъ проявленіи — скучная шарманка.

Но любилъ я за городъ, сѣвъ въ купѣ уютное,
Ѣздить къ ней, затерянной въ деревушкѣ малой,
И о ней осталось чувство мягко-смутное,
И о ней съ улыбкою вспомню я, пожалуй...

1909. Ноябрь.

ТРИОДИССОНА.

Но почему такъ ясны ясени,
Когда вѣтригъ дыханье осени,
Когда въ прудахъ цвѣтенья плѣсени?

И почему рябины кисточки
Пугаютъ взоры быстрой ласточки,
На югъ завѣрившей перышки?

Не потому ли предъ кончиною
Ты, человѣкъ, гора песочная,
Мѣняешь брѣнное на вѣчное?

1909. Июль.

Мыза „Ивлновка“.

NOCTURNE.

П. Г. Гаврилову-Лебедеву.

Ктѣ былъ со мною
Вчера при звѣздахъ,
Когда сырѣли
Ковры полей?
Кто цвѣлъ луною?
Въ чьихъ взорахъ-гнѣздахъ
Сверкали трели
Во тѣмъ аллеѣ?

Была ль загадка
Для сердца ясной?
Быть можетъ, смутно
Я зналъ былъ: съ кѣмъ?
И чья палатка
Съ каймою красной,
Дрожа уютно,
Звала, зачѣмъ?

Почемъ я знаю!
Зачѣмъ мнѣ нужно!—
Будь это призракъ,
Будь то живой...
Но я страдаю...
Мысль безоружна...
О, ты, кто близкокъ,
Чаруй собой!..

-1909. Июль.

Мыза „Ивановка“.

ГОЛОСОКЪ.

Голосокъ, какъ колокольчикъ,
Зазвонилъ любви слова,
И отъ гула у поэта
Закружилась голова.
    Все могло бы быть такъ мило,
    Но разбито пустячкомъ:
    Голосокъ, твой колокольчикъ,
    Вяло двигаль языккомъ.
Ну и вышло очень скучно...
Голосокъ, ты — дурачокъ:
Тѣмъ пріятнѣй колокольчикъ,
Чѣмъ рѣзвѣе языкочъ...

1909. Октябрь.

А ВСЕ ВМѢСТѢ...

Голосокъ твой — серебристый колокольчикъ,
А глазята — лиловатые прудки...
Усть жемчужныя улыбки — коротки,
И не счесть твоихъ волосъ веселыхъ кольчикъ.

Губки? губки — двѣ пушистыя малинки,
И чело — равнина снѣжной чистоты.
Брови? брови — это въ миръ чудесь тропинки,
А все вмѣстѣ... а все вмѣстѣ — это ты!

1909. Октябрь.

У ГОРШКА.

Тамъ, гдѣ кружатся кузнечики
У душистаго горошка,
Поцѣлую крошку въ плечики,
Засмѣется тихо крошка.

Обойметъ руками смуглыми,
Расцѣлуетъ прямо въ губы.
Надъ прудами влажно - круглыми
Намъ свиданья эти любы.

1909. Июль.

Мыза „Ивановка“.

НО ЗАЧѢМЪ?..

И въ каштановыхъ волнахъ прически,
И въ бутонѣ прищуренныхъ губъ
Мнѣ сквозятъ голубые наброски,
Что влюбленъ и, мнѣ кажется, любовь.

Но зачѣмъ бирюзятся зигзаги
Этихъ ясныхъ, довѣрчивыхъ глазъ:
Избѣгаютъ ли ясности влаги,
Или прячутъ свой дѣвственный сказъ?

1909. Мартъ.

ЛЮБИТЬ РАДИ ЛЮБВИ.

О, если бъ ты умѣла
Любить ради любви,
И мнѣ сказала смѣло:
„Мужайся и живи“.

Я сталъ бы жить, пожалуй,
Свободнѣй и живѣй...
О, другъ мой, мозгъ усталый
Мнѣ ласкою овѣй.

Но ты въ отвѣтъ нѣмѣла,
Былъ сонъ въ твоей крови...
Нѣтъ, нѣтъ, ты не умѣла
Любить ради любви...

1909. Май.
„Мыза Ивановка“.

УВИДЬ...

Увидь меня близкимъ и любящимъ,
Подъ ветхимъ, изодраннымъ рубищемъ,
Дай слезы мои съ твоимъ хохотомъ слить.
Ты видѣла гордаго, смѣлаго,—
Увидь же теперь запусѣлаго...
Увидь...

1909.

ОНЪ ПОЮТЪ.

Миньонетъ.

Онѣ поютъ, вершины эти,
Онѣ поютъ, онѣ поютъ!
Онѣ тоскуютъ о поэтѣ
И общаются свой пріютъ.
Я слышу въ липовомъ дуэтѣ
Мечтѣ обѣщанный уютъ.
Онѣ поютъ, вершины эти,
Онѣ поютъ, онѣ поютъ...

1909.

КАКЪ КОШЕЧКА.

Въ ея устахъ томилася малина,
Въ ея глазахъ смѣялись васильки,
А по ночамъ синѣли угольки...
Она была изящна, какъ Филина.
Она была — какъ кошечка. „Кисъ-кисъ“,
Хотѣлось ей сказать, ее лаская.
Въ ея фигуркѣ хрупкость восковая,
Въ ея душѣ — величіе Балькисъ.

1909.

ЛЮБИЛА.

Любила... Но что это значить?
Да, что это значить — любила?
Откуда узналъ я? Не знаю...
Но знаю, что это такъ было.
Мы счастливы были... Что значить —
Мы счастливы были? Пойми-ка!
Но помню: при ней — жизнь и солнце,
А нѣтъ ея — жутко и дико...

1909.

ВСЕ ГЛУШЕ ПАРКЪ...

А. И. Лопатину.

Все глуше паркъ. Все тише-тише конь.
Издалека доносится шаконь.
Я утомлень, я весь ушелъ въ сѣдло.
Май любить ночь, и стало быть — свѣтло...
Я встрѣчь не жду, и оттого свѣтлѣй
И чише вздохъ окраинныхъ аллей,
Надѣвшихъ свой единственный нарядъ.
Не жду я встрѣчь. Мнѣ хорошо. Я радъ.
А помнишь ты, усталая душа,
Другую ночь, когда, любить спѣша,
Ты отдавалась пламенно другой,
Такой же пылкой, юной и родной?
А помнишь ты, болѣзная моя,
Какой голубкой грезилась змѣя,
Какъ обманула сердце и мечты?
Нѣтъ, не могла забыть той встрѣчи ты.
Май любить ночь, и стало быть — свѣтло...
Качаетъ сонъ, баюкаетъ сѣдло.
Блуждаетъ взоръ межъ листовныхъ громадъ.
Все глуше паркъ, — все тоньше аромать...

1910.

ВЪ АВГУСТЪ.

Есть въ тихомъ августѣ, мечтательномъ и кроткомъ,
Такая мягкая, пѣвучая печаль,
Такъ жаль минувшаго, мелькнувшаго въ короткомъ,
Что сердце проситъ: „къ забвенію причаль“.
Мнѣ вспоминаются, туманны и безсвязны,
Обрывки августовъ, ихъ встрѣчи, ихъ уходъ...
И для души моей они однообразны,
Какъ скаламъ озера — проплывшій пароходъ...

1909.

САМООБМАНЪ.

Я писалъ ей вчера, — робко, слезно просилъ,
Если можно, зайти вечеркомъ —
Потому что забыть, потому что нѣтъ силъ,
Потому что я плачу тайкомъ.
И я зналъ, что она приласкаеть, я зналъ,
Что не будетъ фальшивымъ порывъ.
Ахъ, отъ сердца письмо — это къ счастью сигналъ,
На него не отвѣтить — разрывъ.
...Не пришла, — побоялась... Чего же, чего?
Откровенно любить и... спасти?
Душно... слезы... люблю... все пройдетъ... ничего...
Пошутила... ошибся... прости...

1908.

Я ИДУ...

Вглубь извилистой тропинки
Я иду изъ пустоты
Поля снѣжнаго. Цвѣты
Мая сердца пьютъ росинки.
Грезы вьются, какъ снѣжинки,
И снѣжинки, какъ мечты.

Я иду въ дремоту лѣса
Бредить сказкою небесъ,
Сказкой той, что бредить лѣсъ,
Какъ невинная принцесса.

День былъ хмуръ, угрюмъ и гнѣвнень;
Ночь спустилась на поля;
Звѣзды — точно рой царевнень,
А рабыня ихъ — земля...

1908. Октябрь. Спб.

ЛАНДШАФТЪ.

Глушь, сѣверная глушь — какъ скорби изваянье —
Способна вдохновить не мало горныхъ душъ
И залѣчить порывъ душевнаго страданья.
Глушь, сѣверная глушь.

Снѣгъ блѣдный, какъ лицо покойника, холодный...
Со дня рожденія онъ — старецъ, словно вѣкъ:
Такой же онъ нѣмой, осмысленно бесплодный,
Бездушный, блѣдный снѣгъ.

И въ снѣжныхъ берегахъ стеклянное теченье
Чарующей раздоліемъ рѣки...
О, если бъ знала ты, какъ эти впечатлѣнья
Душъ моей близки!

1907. Февраль.
Мыза „Ивановка“.

ЖАЖДА ЖИЗНИ.

Жизни — въ полномъ смыслѣ слова!
Жизни дайте, — умоляю.
Вихря жизни! Жизни снова!
Жизни, жизни я желаю!
Задыхаюсь... Жизни больше!
Жизни, сколько капель въ морѣ.
Жизни бездну! Жизни столь же,
Сколько въ мірѣ зла и горя!..

1903. Портъ-Дальній.
Квантунь.

СОНЕТЪ.

Въ томящихъ сумеркахъ увидѣлъ этотъ свѣтъ,
Въ томящихъ сумеркахъ влчилъ существованье...
Никто не понималъ души моей страданья,
Никто на мой вопросъ мнѣ не давалъ отвѣтъ.
Живу немного я, но въ вереницѣ лѣтъ
Томящихъ сумерекъ я знаю прозябанье;
Блестящихъ, ясныхъ дней не помню я сіянья;
И были ли они?.. теперь ихъ больше нѣтъ.
О, скорбь души моей, мятущейся, безсонной,
Въ томящихъ сумеркахъ заглохшей и больной,
Какъ ненавистенъ мнѣ твой обликъ блѣднотонный,
Безгранно близкій мнѣ, до странности чужой...
Въ томящихъ сумеркахъ вступалъ на путь земной,
Услышу въ сумеркахъ напѣвъ я похоронный...

1907. Апрѣль.

СТРАДАТЬ...

Страдать, страдать... Но это вѣдь ужасно.—
Вчера, сегодня, завтра и — всегда.

Страдать — какъ жить: вседневно, ежечасно...

Иль разомъ никогда...

Пусть разумъ мой рѣшить,— есть два исхода:

Коль жить нельзя, зачѣмъ существовать?

Нѣтъ, нѣтъ. Во имя свѣтлаго восхода

Рискну еще страдать!

1907. Апрель.

МНѢ ТЯЖЕЛО.

Мнѣ тяжело. Унынье безъ просвѣта,

Когда-то въ сердце свѣтлое легло.

Душа моя любовью не согрѣта.

Мнѣ тяжело.

Мнѣ тяжело. Не надо мнѣ причины. —

Пусть въ жизни мнѣ упорно не везло,

Пусть я погрязъ въ болотѣ злобной тины,—

Мнѣ тяжело.

Мнѣ тяжело. Что съ сердцемъ—самъ не знаю,

Теченьемъ жизни радость унесло,

И что надежду въ счастье я теряю —

Мнѣ тяжело.

УШЕДШАЯ ВЕСНА.

Лазоревые цвѣтики, порхающія ласточки,
Сіяющее солнышко, и небо, какъ эмаль.
О, дни мои прекрасные! О, дни мои счастливые!
Какъ васъ вернуть мнѣ хочется! Какъ искренне васъ жаль!
Далекое! минувшее! высокое! волшебное!
Красавица, будившая любовь въ душѣ моей.
Улыбки, слезы чистыя, молитвы и рыданія.
О, радости бывалыя! О, бури вешнихъ дней!
Гдѣ вы, брильянты юности? Зарницы грезъ плѣнительныхъ?
Любовь благоуханная? Чарующіе сны?
Гдѣ ты, моя желанная, божественная, свѣтлая?
О, гдѣ ты, вдохновеніе умчавшейся весны!

1906.

СТАНСЫ.

Не высказать ничтожной рѣчью
Величья ледяной тюрьмы.
Но, другъ мой, сколько краснорѣчья
Въ молчаньи сѣверной зимы.

Не описать безцвѣтнымъ словомъ —
Какъ жизнь прекрасна и ясна,
И сколько счастья, другъ мой, въ новомъ
Краю любовно дастъ она.

МЕЛОДИИ „ИДЕАЛЬНОЙ ИДИЛЛИИ“.

I.

ЭЛЕГИЯ.

Шумить, шумить падучая стремнина;
Бѣжить, бѣжить зеленая волна;
А я стою въ раздумьи у плотины,
И ночь, какъ я, тоской упоена.
Мой взоръ цлываетъ на водныя равнины
Въ туманѣ слезъ; но мысль моя ясна
И глубока — какъ шумная стремнина,
И рвется вдаль — какъ звонкая волна.

Летятъ, летятъ и мѣсяцы, и годы;
Живутъ, живутъ безсчетные вѣка
Всегда вездѣ несчастные народы,
И ихъ удѣлъ, какъ всѣхъ людей — тоска.
Живутъ — грѣшать пигмеи, исполины;
Но часть придетъ, — и доля всѣхъ равна —
Какъ брызги волнъ, что мечетъ въ ширь стремнина,
И — какъ волнѣ безпечная волна.

1908.

II.

Ты, вѣроятно, помнишь...

Ты, вѣроятно, помнишь, да и забыть могла ли,
Хотя бы и старалась навѣки позабыть
Тѣ вечера и ночи, когда съ тобою мечтали —
И какъ съ тобой мечтали счастливыми мы быть!

Ты, вѣроятно, знаешь, да и не знать воз-
можно ль,
Хотя бы и хотѣла ты этого не знать, —
Что я виной несчастью... Но ты-то, ты тревожно ль
Относишься, что стражду и буду впредь страдать?

Ты, вѣроятно, вѣришь, да и не вѣрить странно,
Хотя бы и не вѣрить отрадиѣе подчасъ, —
Что встрѣча наша мною такъ пламенно желанна,
Что этотъ часъ — прощенье, а нѣтъ, — мой смерт-
ный часъ...

1908.

ДУЭТЬ ДУШЪ.

Какъ арфа чуткая Эола
Поетъ возвышенный хораль, —
Моя душа пропѣла, соло,
Разсвѣту чувства мадригаль.
Тобой была ли пѣсня спѣта,
Споешь ли пѣсню эту впредь, —

Не могъ дожидаться я дуэта
И даже мыслиль умереть.
Но я живу... Съ тѣхъ поръ красиво
Мной спѣто много пѣсенъ дню;
Лишь пѣснь разсвѣту чувствъ ревниво
Я въ тайникѣ души храню.
Я увлекался, пѣль дуэты,
Но вскорѣ забывалъ мотивъ,
Мелодій перваго обѣта,
Страданій первыхъ не забывъ.
Сестрѣ раскрылася могила
Въ іюньской шелковой травѣ,
И сердце мнѣ заохлодило
Предчувствіе, что будутъ двѣ.
Уйду... и скоро, вѣря свято,
Что ты надъ грудою песка
Споешь мотивъ, тоской объята,
И будетъ долгою тоска.
Но возрожденіемъ мотива,
Хотя и позднимъ (ну, такъ что жъ?..)
Ты беззаботно и счастливо
Въ эдемъ прекрасный перейдешь.
И тамъ душа—раба обѣта
И чувства перваго раба—
Съ твоей сольется для дуэта,
Какъ повелѣла ей судьба.

1907.

ТЫ ВОШЛА...

Ты вошла въ кабинетъ неожиданно,
Упоительно снова обрадовавъ...
Твое сердце давно мной разгадано,
Но тобой его тайна не выдана.

Разсказать ли про все, что мной видано?
Разсказать ли?.. Но лучше — не слѣдуетъ.
Часто море кипѣнья не вѣдаетъ,
А глядишь — вспыхнетъ штормъ неожиданно.

1909.

Декабрь, 6.

ЛѢТОМЪ.

Студеной синью блещетъ озеро,
Знобя полдневные лучи.
Рой бархатистыхъ пчелокъ, къ розѣ рой
Стремясь, гуторить, какъ ключи.
Надъ малахитовою лужею
Жужжитъ комаръ, замороженъ.
Мой жаркій взглядъ щемящей стужею
Твоихъ очей расхоложенъ.

1909.

НЕ БУДЕТЬ ОПЯТЬ...

Ты всегда съ голубыми очами
Приходила ко мнѣ ночевать...
Это было такъ сладостно - больно,
Но не будетъ, не будетъ опять.
И порхали мгновенья - стрекóзы,
Присѣдая къ зарѣ на цвѣтокъ.
Мы любили, хотѣли другъ друга...
Ты близка, но теперь я далекъ.
Да, не ты далека: ты все та же,
Какъ желанье, покорная мнѣ...
Это было такъ сладостно — больно,
Это было всегда при лунѣ...

1909.

ОТЧЕГО?

Отчего снѣгъ безслѣдно прональ,
И ручьи отчего потекли?
Отчего соловей засвисталь,
И цвѣты отчего зацвѣли?

Отчего лѣсъ одѣлся въ листву,
И влечетъ меня зелень его?
Отчего я дышу и живу
Такъ привольно?.. зачѣмъ! отчего?

Отчего такъ внезапно весь міръ
Пробудился отъ долгаго сна?
— „Оттого“, — прошепталъ мнѣ зефиръ:
— „Оттого что настала весна.“

1904.

ЗАРЯ ВОСКРЕСА.

Воскресъ любви зарей Воскреса!
Я, умиленный безъ мольбы,
Съ зарею жду Господня взвѣса
Моей трагической судьбы.

Оркестръ любви — въ груди, какъ прежде,
И вѣра — снова лейтъ мотивъ.
Я вѣрю блещущей надеждѣ,
Что ты вернешься, все простишь.

Я спать не лягу въ ночь святую
И до зари колоколовъ
Я буду ждать тебя, простую,
Мнѣ все сказавшую безъ словъ.

Едва блеснетъ на небѣ марта
Воскресный лучъ, воскресный дискъ,
Предскажетъ сердце, точно карта,
Что наступилъ послѣдній рискъ.

И грянуть гимнъ во храмахъ хоры,
И запоютъ колокола,
Зоя на солнечныя горы,
Гдѣ высь близка и весела.

Я буду знать, внимая пушкѣ,
Что Онъ незримо снова тутъ,
И лица въ праздничной опушкѣ
Природы раньше расцвѣтутъ.

Я подойду тогда къ воротамъ
И распахну ихъ широко,
И ты войдешь къ моимъ заботамъ,
Желая твердо и легко.

О, долго — жданное мгновенье,
Въ святую ночь — твоя пора...
Прощень, кто вѣритъ въ воскресенье
Любви, прощенья и добра!

1909.
Мартъ, 28.

ВЪДЪ ВЪ ДВѢНАДЦАТЬ ЧАСОВЪ...

Я хотѣлъ бы тебѣ рассказать,
Какъ мнѣ страшно въ старинномъ дворцѣ,
Рассказать тебѣ все, но молчать
Я обязанъ съ мученьемъ въ лицѣ...
Но когда бы тебѣ рассказать!..

Ты мнѣ можешь не вѣрить, мой другъ,
Что червями исползанъ покой,
Что въ углу притаился паукъ,
Весь кровавый паукъ — вотъ какой!
Но попробуй повѣрить, мой другъ...

А въ двѣнадцать часовъ... не могу...
Не могу продолжать, извини...
Для безсмертья я смерть берегу...
Ахъ, зачѣмъ прекращаются дни:
Вѣдь въ двѣнадцать часовъ... не могу!..

1909. Июль.

Мыза „Ивановка“.

Дворецъ.

КРАСНЫЙ ЖАСМИНЪ.

— Ты меня цѣловала въ жасминъ...
— ...Одуванчикъ мечталъ объ измѣнѣ...
— ...На цвѣтахъ стрекозовыя тѣни...
— ...Дай припомнить: все озеро — въ тинѣ...
— ...Подожди... Шаловливыя рыбки...
— ...А еще... змѣи дерева крѣпки...
— ...И... ты, помню, блѣднѣла отъ счастья...
— ...Какъ краснѣю теперь отъ безчестья.

1909. Декабрь.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ.

Посв. К. Ф и И. Д.

Болѣла роща отъ порубокъ,
Душа — отъ раненой мечты.
Мы шли по лѣсу: я да ты,
И твой дубленый полушубокъ
Трепали дружески кусты,
Отъ поздней осени сѣдые,
Отъ вешнихъ почекъ далеки,
Весною — принцы молодые,
Порой осенней — голяки.
Уже зазвѣздились ночные
Полей небесныхъ свѣтляки,
Уже порядкомъ было снѣга,
Хрустѣли валенки въ снѣгу,
Мы шли, а намъ хотѣлось бѣга
Подъ безшабашную дугу.
Люблю дугою говорливой
Пугать лѣсовъ сонливыхъ глушь!
На тройкѣ шустрой и сварливой
Ломать кору дорожныхъ лужь!
Эхъ - ма... Въ душѣ моей гульливой
Живеть веселый бѣсъ — Разрушь.
Эй, бѣсъ души, гуляй, найди-ка,
Найди-ка выходъ для проказь!
Давай посулы напоказь!

Но бѣсъ рыдалъ въ безсилы дико,
И жалокъ былъ его приказъ.
    А мы все шли, все дальше, дальше,
    Среди кустовъ и дряблыхъ пней,
    Стремясь уйти отъ шумной фальши,
    Дыша свободнѣй, но больнѣй.
...Присѣлъ ты, мрачный, на обрубокъ
Червями съѣденнаго пня...
Стонала роща отъ порубокъ,
Душа — отъ суднаго огня...

20 ноября 1909 г.

ТЕРЦІНА.

Люблю въ туманъ осеннихъ вечеровъ
Мечтать съ тобой въ избушкѣ въ сердцѣ лѣса,
Смотря на печь, на агонію дровъ.

Изъ усть моихъ плыветь за пьесой пьеса,
Гремятъ предъ нами оргіи пировъ,
Какъ на яву. Пятою Ахиллеса

Шагаетъ впечатлѣніе. Намъ кровь
Волнуетъ взоръ то ангела, то бѣса.
О, сколько вечера даютъ даровъ!

И сколько чувствъ! И сколько интереса!
Деревня спитъ. Молчаніе дворовъ
Пугаетъ насъ. Глядитъ изъ-подъ навѣса

Сквозь темноту рядъ туловищъ коровъ.
Намъ тяжело отъ тяжести ихъ вѣса...
Востокъ далекъ. Пока подъ звѣздный кровъ.

Въ постели мы. Но долго поэтесса
Еще намъ шепчетъ много тайныхъ строфъ,—
И въ нихъ я — принцъ, а ты — моя принцесса.

1909. Ноябрь.

ТЕБѢ Я ВѢРЮ ИНОГДА...

Ты, можетъ быть, меня и любишь,
Я въ это вѣрю иногда,
Но никогда не приголубишь
И не отдашься никогда.

Ты никогда мнѣ не раскроешь
Своей причудливой души,
Но отъ меня любви не скроешь,
Какъ чувство тамъ не придуши.

Твоя любовь — какъ на ладони:
Пожатье плечъ, холодный тонъ,
Уста въ прищуренномъ бутонѣ —
Все это вѣрный камертонъ.

Съ тобой тепло, уютно, славно
Играть до утренней поры,
Твоя игра, дитя, забавна
Но берегись такой игры!

1909. Ноябрь.

ПЕРЕКАТЪ I.

На кладбищѣ, на родственныхъ могилахъ,
Для всѣхъ живыхъ далекій и чужой,
    Въ ея глазахъ, довѣрчивостью милыхъ,
Я отдыхалъ усталую душой.

    Въ ея глазахъ, довѣрчивостью милыхъ,
Я находилъ забвенье и покой
И отъ людей вдали, людей постылыхъ,
Я оживалъ подъ нѣжною рукой.

Вся жизнь моя, весь дальній путь земной—
    Въ ея глазахъ, довѣрчивостью милыхъ...
„О, не грусти о притуплённыхъ силахъ“,
Мнѣ голосъ пѣлъ, спокойный и грудной.

Я принималъ—къ ней, близкой и родной,
Среди крестовъ, на вянущихъ могилахъ,
И плакалъ, плакалъ, вѣря ей одной,
    У глазъ ея, довѣрчивостью милыхъ...

1909.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ.

Посв. П. М. Кокорину.

Сердцу больно-больно,
Сердце недовольно,
Жалобно такъ плачетъ,
Стонетъ и болитъ.
Осень грустно-грустно,
Нагибаясь грузно,
Въ садъ вошла, и значить—
Будетъ сонъ разлить.

Гдѣ вы, краски лѣта?
Скоро видъ скелета
Приметь садъ пѣвучій,
Теплый и цвѣтной.
Выйду я, горя, —
Въ садъ и посмотрю я
Листьевъ дождь летучій,
Скорбному родной.

1909.

СИРЕНЕВЫЙ НОКТЮРНЪ.

Инстасъ.

Въ твоємъ саду вечернемъ бокальчики сирени
Росою наполняетъ смѣющийся Іюнь,
И сердце утопаетъ въ мелодіяхъ куреній,
И сердце ускользаетъ въ развѣнную лунь.
Меня ты клонишь въ кисти, расцвѣтшія лилово,
Захлебывая разумъ въ сиреневыхъ духахъ.
Истомно отдаваясь, растаявая слово,
Тобою наслаждаюсь, цѣлуя впопыхахъ...

1910. Мартъ.

ГАТЧИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА.

Неумолчный шумъ плотины;
    Пѣна съ зеленью въ отливѣ;
Камни — въ ласкѣ теплой тины;
    Ива, жмущаяся къ ивѣ;
Государя домикъ низкій —
    Пунктъ во дни его охоты —
Спитъ у быстрой рѣчки близкой,
    Мрачно хмурясь отчего-то;
Историческое зданье
    Надъ рѣкой стоитъ убого;

Зданье знатно по преданью,
Стариною зданье строго;
Спѣеть въ холодѣ кротекусь —
Диссонансъ унынья фону;
Добродушно смотритъ Термосъ,
Вставъ на ржавую колонну.
Не въ сверкающемъ чертогѣ
Онъ поставлень, — у плотины
На проселочной дорогѣ,
Встарь, во дни Екатерины;
Вѣя прошлымъ, бюсть чугунный
Выдѣляется въ ракетахъ;
Онъ причудливъ ночью лунной
Въ вѣтвяхъ, инеемъ повитыхъ;
Въ старой мельницѣ колеса
Воду пѣнять равнодушно.
Здѣсь рождаются вопросы,
Въ головѣ тѣснятся дружно.
Здѣсь, гдѣ все такъ элегично,
Такъ пустынно, одичало, —
Мысль съ природой гармонична,
И для отдыха — причалы;
Здѣсь, гдѣ вѣнемъ культуры
Не всколышены ракиты,
Гдѣ избушки дремлютъ, хмуры,
Здѣсь идеи не убиты.
Приходи, усталый духомъ
Братъ, извѣрившійся въ счастье,
И лови здѣсь чуткимъ слухомъ
Въ шумѣ водъ слова участья;

Приходи, ослабшій вѣрой
Въ солнце, въ утреннія зори,
Приходи и вникни въ сѣрый
Колоритъ — цѣлитель горя.
Исцѣлишься отъ кручины,
Наберешься силъ счастливыхъ
Подъ глубокой шумъ плотины,
Подъ напѣвы ивъ тоскливыхъ...

1907.

ПО ВЛАДѢНІЯМЪ КУЧУМА.

1. На Уралѣ.

Черноземъ смѣнился степью,
Необъятною для взора;
Вдалекѣ синѣютъ цѣпью
Разновидной формы горы.

Всѣ покрыты травкой свѣжей
Скаты темнаго Урала;
Взглянешь вправо, влѣво — тѣ же
Содержатели металла.

Много рѣчекъ и потоковъ
Вдоль по скатамъ внизъ стремятся,
Средь деревьевъ и пороговъ
Воды ихъ въ горахъ тѣсняются.

Тамъ покрытыя хвоею
Появились пихты, ели,
И одеждою сѣдою
Кедры-старцы застѣрѣли.

Горы круче, горы выше;
А въ горахъ тѣсняся робко,
Льются рѣчки; вправо ближе
Александровская сопка.

Неуклюжей пирамидой,
Съ виду пасмурной и темной,
Лѣсомъ изрѣдка покрытой,
Сопка кажется огромной.

Вотъ и воды Сыростана
Миновали мы два раза,
Тамъ блѣднѣеть гладь Атляна,
А за ней просторъ Мiаса.

Вотъ Ильменскіе отроги,
Прѣсноводныя озера,
Тѣ же рѣчки, тѣ - жь пороги
Тѣ - жь долины, тѣ же горы.

1903. Портъ-Дальній.

2. Около Иртыша.

Мѣстность вокругъ уныла, скучна:
Тундра, кочки и болота—
Передъ взоромъ безотлучны...
Жизнь безъ шума, безъ заботы.

Я завидую той жизни
Средь глуши въ уединеньи:
Здѣсь не слышно укорины,
Злого слова, оскорбленья.

Нѣтъ здѣсь лжи несправедливой,
Нѣтъ здѣсь зависти и злобы.
Въ этой тундрѣ молчаливой
Вѣетъ прелестью особой.

Ѣдемъ дальше. Вечерѣтъ.
Средь прибрежнаго камыша
Плавно льются и чернѣютъ
Воды мутнаго Иртыша.

Я смотрю на эти воды,
Что текутъ, какъ будто, въ мирѣ —
Воды взяли воеводу,
Побѣдителя Сибири.

Я смотрю, припоминая
Славный обликъ атамана,
Что фантазія, играя,
Создаетъ въ фатѣ тумана.

Ужъ Иртышъ остался сзади,
Ужъ тайга смѣнила тундру,
Спитъ природа вся въ прохладѣ;
Черезъ Обь пройдемъ къ утру.

Вкругъ тайга мрачна, угрюма.
Поѣздъ нашъ ползеть лѣнливо.
Царство, бывшее Кучума,
Живописно и красиво.

1903. Портъ-Дальній.

3. Озеро Байкаль.

Зеленая вода въ высокихъ берегахъ,
И берега вокругъ, подернутые мглою.
Вершины темныхъ горъ виднѣются въ снѣгахъ
И грозно высятся надъ чистою водою.

Какой кругомъ просторъ! Какая ширина!
Какъ воздухъ чистъ и свѣжъ! Какъ озеро спокойно!
Какая мертвая, холодная весна!
Какъ дышится легко! Какъ сердце бьется стройно!

Святое море спитъ... Воды зеркальна гладь;
Мѣстами только ледъ покоится на водахъ;
Не можетъ сразу взоръ картины всей обнять,
И даль теряется вдали на неба сводахъ.

А въ горахъ глухо вѣтръ порывисто гудить;
Тоскливый шумъ его въ ущельяхъ замираетъ;
Въ прозрачномъ воздухѣ Святое Море спитъ;
При солнцѣ сѣверномъ гладь озера сверкаетъ.

Портъ-Дальній.

Июнь. 1903 г.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА.

Эскизъ.

Прозрачный небосклонъ Далекаго Востока
Смѣняетъ ночи тьма, мертвя собой жару.
Я шляпу легкую и плащъ съ собой беру,
Дышу прохладою живительной глубоко.

Вдоль улицъ города, среди китайскихъ фанзъ,
Коттэджей въ зелени, залитыхъ яркимъ свѣтомъ,
Иду впередъ, и родины привѣтомъ
Меня даритъ знакомый мнѣ романсъ.

А вокругъ клокочетъ жизнь: гуляютъ пѣшеходы;
И рикши грязные, согнувшись до горба,
Бѣгутъ рысцой; шумятъ залива воды;
Да гдѣ-то вдалекѣ съ тоской скрипитъ арба.

1906.

СИРИУСЪ.

Интродукція.

Ты, человекъ, клянущій небеса,
Клянущій землю, плаху вѣчной казни,
Пойми меня: о, что за чудеса—
Снѣга—снѣга—снѣга... И гасни... гасни...

ИЗЪ ЦИКЛА „СИРИУСЪ“.

Второй сонетный вариантъ.

Я пристаю на легкомъ кораблѣ
Къ планетѣ льда, сверкательной какъ сабли.
Что предъ моимъ судномъ всѣ дирижабли,
Созданья рукъ живущихъ на землѣ?
Какой морозъ! Тому, кто жилъ въ теплѣ,
Не вытерпѣть брильянтовыхъ иголокъ,
Но я рожденъ на сѣверѣ—я колокъ,
Какъ самъ морозъ, запрятанный въ иглѣ.
Встрѣчаетъ ночь,—свѣтла и голуба,—
Тамъ ночь всегда, тамъ солнце не знакомо...
Я познаю, что я теперь лишь дома...
Я радъ, я гордъ. Прощай, земля-раба.
Я превращу теперь въ ничто корабль,
Моимъ безумьямъ вѣрный дирижабль.

1909. Декабрь.

ИЗЪ ЦИКЛА „СИРИУСЪ“.

На Сириусъ.

Снѣга—снѣга... Снѣга—снѣга—снѣга...
На нихъ растеть такъ тихо—тихо замокъ.
Иду, иду... Чуть звякаетъ нога...
Сапфирный тонъ чуть льется изъ-за рамокъ
Какая тишь! Какая пустота!
За заломъ залъ сіяніе нѣмое...
О, лишь въ такомъ палаццо Простота
Достойна жить, себя безлюдьемъ моя!..
За заломъ залъ меня рисуеть полъ, —
Онъ золотпсто-зеркально опаловъ.
Мой шагъ земной тутъ лежокъ, какъ Эоль,
И каблуки звенятъ, какъ тостъ бокаловъ.
Иду, иду... Чуть звякаетъ нога.
Снѣга—снѣга... Снѣга—снѣга—снѣга...

1909. Декабрь.

М У З А.

Волнистый сонъ лунящагося моря.
Мистическое око плоской камбалы.
Плыветъ луна, загадочно дозора
Зеленовато-блѣдный ликъ сомнамбулы.

У старыхъ шхунъ цѣлуетъ дно медуза,
Качель волны баюкаетъ кораблики,
Ко мнѣ во фьордъ везетъ на бригѣ муза
Прозрачно-перламутровыя яблоки.

Въ лиловой влагѣ якорь тонетъ... Скрипѣ.
Въ испугѣ колыхнулась пара раковинъ,
Метнулись и застыли стаи рыбъ,
Овинъ полей зоветъ и манитъ въ мракъ овинъ.

Вотъ сталью лязгнулъ бригъ о холодъ скалъ,
И на уступѣ спустилась Муза облакомъ.
Фьордъ вскипѣлъ, сердито заплескалъ
И вдругъ замолкъ, смиренный строгимъ обликомъ.

Она была стройна и высока,
Какъ сѣверянка, блѣдная и русая,
Заткала взоръ лучистая тоска
Прильнувъ къ груди опаловою бусою.

Нѣтъ въ Музѣ, нѣтъ античной красоты,
Но какъ глаза прекрасны и привѣтливы!
Въ ея словахъ — намеки и мечты,
Ея движенья дѣвственно-кокетливы.

Она коснулась ласково чела
Устами чуть холодными и строгими
И яблоки, мнѣ сыпать начала,
Вдохновлена созвѣздьями высокими.

Къ лицу прижавъ лицо, вся — шорохъ струй,
Запѣла мнѣ полярную балладу...
О, Муза, Муза, чаще мнѣ даруй
Свою неуловимую руладу.

И яблоко за яблокомъ къ устамъ,
Къ моимъ устамъ любовно подносила.
По всѣмъ полямъ, по скаламъ и кустамъ
Задвигалась непознанная сила.

Вездѣ заколыхались голоса
И вскорѣ въ мощный гимнъ они окрѣпли;
Запѣло все — и море, и лѣса,
И даже угольки въ костровомъ пеплѣ.

А утромъ всталъ, подъ вдохновенья громъ,
Пѣвецъ снѣговъ съ обманчивой постели,
Запечатлѣвъ внимательнымъ перомъ
Видѣнья грезъ въ изысканной пастэли.

1909. Октябрь.

„ОНА ОСЧАСТЛИВИТЬ ЕГО ЗАХОТѢЛА“...

П о в ѣ с т ь .

Любовь къ женщинѣ! Какая
бездна тайны! Какое наслажде-
ніе и какое острое, сладкое стра-
данье!

А. Купринъ („Поединокъ“).

1.

Художникъ Эльдорэ почувствовалъ — солнце
Взошло въ его сердцѣ высоко; и ярко
Свѣтило и грѣло остывшую душу;
Душа согрѣвалась, ей дѣлалось жарко.

2.

Раздвинулись грани вселенной, а воздухъ
Вдругъ сдѣлался легче, свободнѣй и чище...
И все-то въ глазахъ его вдругъ просвѣтлѣло:
И небо, и люди, и жизнь, и жилище.

3.

Напротивъ него жила женщина... Страстью
Дышало лицо ея; молодость тѣла
Сулила блаженство, восторги, усладу...
Она осчастливитъ его захотѣла...

4.

Пропитаннымъ страсти немеркнувшимъ свѣтомъ
Взглянула лишь разъ на него она взоромъ,
И вспыхнули въ юношѣ страсти желанья,
И чувства восторговъ просить стали хоромъ.

5.

Онъ кинулся къ ней, къ этой женщинѣ пылкой,
Безъ слова, безъ жеста представъ передъ нею,
И взглядъ, преисполненный царственной страстью,
Сказалъ ей: „ты тотчасъ же будешь моею!“...

6.

Она содрогнулась. Сломалась улыбка
На нервныхъ устахъ, и лицо поблѣднѣло —
Она испугалась его вдохновенья,
Она осчастливить его захотѣла...

7.

Она осчастливить его захотѣла,
Хотя никогда его раньше не знала,
Но женское пылкое, чуткое сердце
Его вдохновенно нашло и избрало.

8.

Что мужъ ей! что люди! что сплетни! что совѣсть!
Къ чему разсужденья!.. Они — неумѣстны.
Любовь ихъ свободна, любовь ихъ взаимна,
А страсть ихъ пытается... Имъ тяжело, имъ тѣсно..

9.

И молніей—взглядомъ, исполненнымъ чувства
 Любви безразсудной, его подозвала...
 Онъ взялъ ее властно... Даря поцѣлуи,
 Она отъ избытка блаженства рыдала...

10.

Такъ длилось недолго. Она позабыла
 И нѣжныя рѣчи, и пылкія ласки,
 Она постепенно къ нему остывала,
 А онъ ей съ любовью заглядывалъ въ глазки.

11.

А онъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ
 свиданьемъ,
 Съ улыбкою новою женщины милой
 Все больше влюблялся въ нее, ея жаждалъ,
 И сердце стремилось къ ней съ новою силой.

12.

Ее тяготила та связь уже явно,
 И совѣсть терзала за страсти порывы:
 Она умоляла его о разлукѣ,
 Его незамѣтно толкая къ обрыву.

13.

Она ужъ и мнѣньемъ людей дорожила,
 Она ужъ и мужа теперъ опасалась...

Была ли то правда, рожденье разсудка,
Иль, можетъ быть, въ страхѣ, она притворялась?

14.

Вернулся супругъ къ ней однажды внезапно.
О, какъ его видѣть была она рада...
Казалось, что только его ожидала,
Что кромѣ него никого ей не надо...

15.

А бѣдный художникъ, ее полюбившій
Всемъ сердцемъ свободнымъ, всей чистой душою,
Повѣрившій въ чувство магнитнаго взора,
Остался вдвоемъ со своею тоскою.

16.

И часто, печально смотря на окошко,
Откуда смотря, она имъ завладѣла,
Онъ шепчетъ съ улыбкой ироніи грустной:
— „Она... осчастливить меня захотѣла“...

1905.

ИХЪ ВСТРѢЧА.

Драматическая поэматта.

Зовъ О—вичъ.

Она.

Что скажете?..

Онъ.

Все то же, что всегда:

Я Васъ люблю.

Она.

Но это мнѣ извѣстно

И знаете, — не интересно мнѣ...

Онъ.

Пускай. Готовъ, какъ прежде, на страданье
Безмолвное; на многое готовъ.

Она.

На многое... О, другъ мой, на словахъ —
Мы рыцари, а иногда и боги...

Онъ.

А иногда, къ несчастью, мы ничто...
Но не всегда мы въ этомъ виноваты,
И не всегда мы можемъ проявлять
Все мужество, весь пылъ и благородство
Своей души, священной, какъ Синай.

Она.

Однако, Вы, я вижу, вдохновенны...
Но не у всѣхъ великая душа, —
Вы увлеклись...

Онъ.

Нисколько. Повторяю:

Я то сказалъ, что я желалъ сказать —
Душа есть лучъ Единственнаго Духа,
Источника сіянья и тепла,
Прекраснаго уже своимъ безсмертьемъ,
Котораго зовемъ мы Божествомъ.
А можетъ ли быть грязнымъ лучъ — отъ солнца,
Отъ Божества спускающійся къ намъ?

Она.

Итакъ, душа есть лучъ Святого Духа?
Согласна я; но вотъ что странно мнѣ:
Какъ этотъ лучъ способенъ ослабѣть,
Впитать въ себя земной порокъ и злобу
И не сіять, а тлѣть, какъ уголекъ?
Вотъ что меня смущаетъ. Отвѣчайте.

Онъ.

Скажите мнѣ: когда-нибудь въ болотѣ
Вы видѣли потопленное солнце?
Не дѣлалось ли жутко Вамъ? Но взоръ
Направивъ въ высь, Вы видѣли... другое.
Спѣша улыбку вызвать на уста
И свой минутный страхъ, какъ сонъ, развѣять,

Вы убѣждались сами, что оно,
Свѣтило дня, корона міровая,
Не создано быть жертвою болотъ...
Но въ плѣсени блуждавшіе лучи —
Не правда ли, не — украшали плѣсень?
Наоборотъ, озарена лучомъ,
Гладь мутныхъ лужъ отталкивала взоры
И, остывая въ предзакатный часъ,
Дышала ядовито и опасно,
Дурманя грудь туманомъ. Это такъ?

Она.

Все ясно мнѣ и это все прекрасно.
Всему виной земная оболочка,
Негодная для таинства души.
Душа всегда останется душою —
Прекрасною, лучистой и живой...
Но человекъ, отъ разума безумный,
Спѣшитъ умомъ святыню осквернить:
Изъ этого что слѣдуетъ? — что разумъ
Властнѣй души, разъ царствуетъ порокъ?..
Но это не ужасно, Вы поймите
И я права, сказавъ, что человекъ
По существу — порочень и безсиленъ...

Онъ.

О, нѣтъ! О, нѣтъ! Не правы Вы, о нѣтъ!
Повѣрьте мнѣ: душа сильнѣй разсудка.
Въ концѣ-концовъ она восторжествуетъ,
Въ концѣ-концовъ возьметъ побѣдный верхъ.

Но весь вопросъ: гдѣ только это будетъ —
Здѣсь, на землѣ, иль послѣ гдѣ-нибудь?

Она.

Но солнце-то, гостящее въ болотѣ,
Уродуетъ его, я поняла?

Онъ.

Но это, вѣдь, наружное уродство...
Такъ видитъ созерцатель; между тѣмъ,
Подумайте, какое бы несчастье
Произошло съ болотомъ, если бъ лучъ
Не посѣщаль его, собой не грѣя:
Болото бы задохлось отъ себя!
И если насъ теперь оно тревожить,
Въ закатный часъ туманами дыша,
Струя намъ въ грудь проклятье испарений, —
То каково бы было человѣку,
Когда бъ свѣтило пламеннаго дня
Не погружало лучъ свой златотканный
Въ сырую мглу стоячихъ, тлѣнныхъ водъ?..

Она.

Утомлена. Оставимъ эту тему:
Есть что-то безпощадное во всемъ,
Гдѣ разумомъ желаемъ мы проникнуть
Въ непостижимое и тайну разгадать.
Мы отвлеклись отъ главнаго...

Онъ.

Отъ страсти

И отъ любви моей мы отвлеклись.

Она.

Опять любовь. Но это, право, скучно;
Хотя, хотя...

Онъ.

Вы любите меня.

Она.

Нѣтъ, не люблю. Однако, отчего Вы
Такъ думали? Вашъ убѣжденный тонъ —
Я сознаюсь — меня интересуетъ
И нѣсколько смущаетъ...

Онъ.

О, дитя!

О, дѣвочка, съ лукавою улыбкой,
Какъ ты мила въ наивности своей!

1910. Лѣто. СПб.

ВТОРАЯ СИМФОНИЯ.

1. ОКТАВА.

Когда въ апрѣлѣ поля воскресли
Отъ летаргіи пустыхъ снѣговъ,
Элеонора смотрѣла въ креслѣ
На пробужденье своихъ луговъ —
И умирала... „А вдругъ? а если?“.
Хотѣлось вѣрить... Какъ на враговъ,
Она смотрѣла на маргаритки...
А силы чахлы... а грезы прятки...

2. ТРІОЛЕТЪ.

И умирающая на литургіи
По тихо канувшей Зимѣ,—воронъ
И тьмѣ сообщницѣ, — какъ въ летаргіи, —
Княжна услышала на литургіи
Напѣвы жуткіе и похоронъ
Своихъ подробности — со всѣхъ сторонъ.
Княжна заплакала на литургіи
По тихо канувшей душѣ воронъ...

3. ПРОСТО ПОЭЗА.

Какъ тяжело, какъ грустно умирать,
Когда душа наряжена апрѣлемъ,
Когда цвѣтеть земля, дурманя прѣлемъ,
Когда лѣса уже не мумій рать.
Какъ онъ хорошъ, застѣнчивый шумокъ
Апрѣльскихъ травъ и вѣтокъ сочно-скользкихъ!
Какъ онъ легко запасть ей въ душу могъ
Въ садахъ ея владѣній южно-польскихъ!
Чуть пошутить, немного поиграть —
И въ этомъ жизнь, и въ этомъ — водопады!
Гдѣ говоритъ коню подвода: „падай“?
Нигдѣ, нигдѣ. Такъ какъ же умирать?..

4. Ф И Н А Л Ъ.

А садъ весной благоухаль... Воскресли,
Кто только могъ.
Сонъ жизни тихо потухаль,
И въ креслѣ —
Земли комокъ...
Но какъ же такъ, если
Садъ весной благоухаль?..

1910. Апрель.

ТОСКА ТОСКИ.

Наброски.

Пуччини и Сарду.

Стонеть, въ страданіяхъ мечется Тбска,
Мысли расплылись, какъ глетчеры воска,
Взоры — безумны, въ устахъ ея — вопли...
— Пли ему въ сердце, — ей мнится: въ него пли!
Маріо мучаютъ, Маріо въ пыткѣ...
Скарпіа пьянъ, его грезы въ напитокѣ
Ищутъ себѣ упительной злости.
Маріо тяжело, хрустятъ его кости.
Дороги Флоріи призраки счастья.
...Скарпіа мертвъ. Но глядитъ безъ участья
Мертвому въ очи страдальца-Тбска,
Въ сердцѣ зазвѣздилась мщенія блестка.

...Къ смерти художникъ готовится стойко.
Сердце часовъ бьется ровно и бойко,
Моется въ облакъ радужномъ зорька.
Маріо плачетъ и сѣтуетъ горько,
И призываетъ любовницу долго
Именемъ прошлаго, именемъ долга.
Въ грезѣ далекой — былого услада.
Холодно въ сердцѣ, и въ утрѣ — прохлада.
Сколько стрѣлъ вѣры! о, сколько любви стрѣлы!
Маріо вѣрить, надѣется... Выстрѣлы!—
Падаетъ, падаетъ... холоденъ, блѣденъ...
Тѣска смѣется, и смѣхъ такъ побѣденъ.
Молча стрѣлявшіе шествуютъ въ крѣпость.
Тѣска смѣется: „какая нелѣпость!“
Тѣска склоняется къ Маріо: „встань же“...
Нѣтъ, онъ не встанетъ, не встанетъ—какъ раньше.
Ужась ужалилъ ей сердце... „жизнь — робость...
Пропастъ — безъ жизни, поэтому — въ пропасть“.

1909. Февраль.

ВЪ СѢВЕРНОМЪ ЛѢСУ.

I.

Поеть метель надъ тихо спящимъ боромъ;
Мерцаеть лучъ холодныхъ, тусклыхъ звѣздъ;
Я ѣду въ глушь, и любопытнымъ взоромъ
Смотрю на тучъ волнующихся ростъ.

Я ѣду въ глушь, въ забытую усадьбу,
На берега играющей рѣки.
Мнѣ чудится, что лѣшій править свадьбу,
Пируя у невѣсты, у Яги.

Мнѣ чудится, что рядомъ пляшутъ бѣсы,
И вѣдьмы сзади водятъ хороводъ;
Мнѣ слышится въ тоскѣ мелодій лѣса
Порою пѣснь. Но кто ее поеть?..

Порою смѣхъ, порою восклицанье
Мнѣ слышатся, вселяя въ душу страхъ.
Чье скорбное лицо встаетъ въ слезахъ?
Чье слышу я безумное рыданье?

Кто плачетъ здѣсь, здѣсь, въ мерзломъ царствѣ снѣга,
И почему здѣсь сотни голосовъ?
Въ отвѣтъ мечтѣ я слышу топотъ бѣга
Своихъ коней да говоръ бубенцовъ.

II.

Мнѣ нравится унылая природа
Мнѣ дорогого сѣвера съ красой
Свободнаго славянскаго народа
Съ великою и гордою душой.

Люблю лѣса я сѣверныхъ окраинъ,
Люблю моря и горы, и тайгу.
Я — властелинъ надъ ними! Я — хозяинъ!
Я тамъ дышать и властвовать могу!

Любовь моя! Лети къ простору поля,
Гдѣ я порой на парѣ быстрыхъ лыжъ
Лечу стрѣлой съ хвалебнымъ гимномъ волѣ,
Съ безпечностью, съ какой летаетъ чижъ.

Лети, моя любовь, съ поклономъ къ лѣсу,
Ты соснамъ вѣковымъ снеси привѣтъ;
Скажи, что не завидую я Крезу,
А тѣмъ, кто можетъ жить въ расцвѣтѣ лѣтъ,

Когда бываетъ сердце нѣжно, — чутко,
Когда весною вѣетъ отъ души, —
Въ лѣсу глухомъ, гдѣ такъ отраднo-жутко,
Въ любимой мною сѣверной глуши.

Я васъ пою, волшебные пейзажи,
Бѣгущiе при трепетной лунѣ,
И васъ пою я, звѣзды, — ночи стражи, —
Свѣтящiя въ лѣсу дорогу мнѣ.

И лѣсъ въ одеждѣ цвѣта изумруда,
И небо шатровидное изъ тучъ.
Пою тебя, моя царица Суда,
И пѣсни звукъ побѣдень и могучъ.

Пою тебя, мой лѣсъ,— товарищъ старый,—
Гдѣ счастье и любовь я повстрѣчалъ,
И васъ пою, таинственныя чары
Любви, которой молодость отдалъ.

На сѣверъ я хочу! На сѣверъ милый!
Туда, туда, въ дремучій хвойный боръ,
Гдѣ тѣло дышитъ бодростью и силой,
Гдѣ правду видитъ радостный мой взоръ.

Мечты мнѣ сказки нѣжно шепчуть хоромъ,
Пока я тихо ѣду черезъ мость.
Поетъ метель надъ тихо спящимъ боромъ;
Мерцаеть лучъ холодныхъ, тусклыхъ звѣздъ.

1905 г. Декабрь.

III.

ЛИРОИРОНІЯ.

КОЛОКОЛЬ И КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Грузно каялся грѣшный колоколь —
Это мѣдное сердце собора.
Онъ ээирь колоть, глубоко колоть,
Какъ щепу, звукъ бросаль у забора.

Въ предзакатный часъ неба пологъ — аль;
Звуки вѣяли въ алые доли...
И пока стоналъ хмурый колоколь,
Колокольчикъ смѣялся удало...

1909. Декабрь.

ХАБАНЕРА IV.

Подъ бубны солнца, подъ гудъ гитары,
Эксцессы оргій не будутъ стары,
Своимъ задоромъ лишь будемъ стары,
Подъ гудъ гитары, подъ басъ гитары,
Подъ солнца бубны.

Литавры солнца — вотъ наши лавры.
Съ цѣпей сорвутся души центавры...
Пускай трепещутъ души центавры,
Когда слышать лучей литавры
И грохотъ трубный.
Наполнимъ солнцемъ свои амфоры,
Давая нервамъ вкушать рокфоры —
Весь день, весь вечеръ, всю ночь — рокфоры,
Смущая утромъ глаза Авроры
Разгуломъ тѣла...
Въ кострахъ желаній, въ безумномъ пеклѣ,
Съ разсудкомъ нити мы пересѣкли...
Но кто жъ мы сами, что все разсѣкли?..
Не все равно ли, — скотъ, человѣкъ ли,—
Не въ этомъ дѣло...

1909. Декабрь.

ПОЛОНЕЗЪ „БРАВУРА“.

Расцвѣлъ каминъ костромъ пунцовымъ,
Расцвѣлъ костромъ.
Цѣлую долго я лицо Вамъ,
Подъ серебромъ.
Вы пунцовѣете, маркиза,
Цвѣткомъ костра.
Изящна грезовость эскиза
И такъ остра.
Хотите спѣлаго дюшеса,
Какъ Ваша грудь?

Люби поэта, поэтесса,
И строфы сгрудь.
Подайте, нимфы и сирены,
Вина, вина.—
Свѣтлѣй, подѣ винные рѣфрѣны,
Волшба звена.
Брядайте, грезовыя звеня,
Сплетаюсь въ цѣпь.
Пылайте, красныя полѣнья,
Какъ лѣсъ, какъ степь.
Бѣги, испытанный прозаикъ,
Въ провалы нишъ:
Ты не поймешь души мозаикъ
И осквернишь.
Цѣлую страстно я лицо Вамъ,—
Гроза и громъ!
Расцвѣлъ каминъ костромъ пунцовымъ,
Расцвѣлъ костромъ.

1910. Апрель.

ИНОГДА...

Иногда — но это рѣдко! —
Въ соблазнительномъ вуалѣ
Карменситная брюнетка
Озарить мой уголокъ
И качнеть — но это рѣдко! —
Вы при качкѣ не бывали! —

И качнеть мечты каюту,
Поль вздымая въ потолокъ.
Тутъ не вихрь — какое! — вихри!
И не штормъ — какое! — штормы!
Вдругъ завоютъ, вдругъ закрутятъ,
Приподнимутъ, да какъ — трахъ!..
Ай, да рѣзвы эти игры!
Ай, да рѣзки эти формы!
Ай, да знойны эти жути!
Я люблю ихъ, просто страхъ!..

1909. Декабрь.

СОНЕТЪ - КАПРИЗЪ.

Встрепенулся звонокъ и замолкъ,
А за дверью — загадка.
Это кто? Это ты? Какъ мнѣ сладко!
Дорогая, войди... Черный шолкъ
Зажурчить ароматно сонату,
И конфузливо скромная складка
Вдругъ прильнетъ къ огневому гранату.

За окошкомъ завистливый толкъ
Приумолкъ ядовито.
Это вздорно для насъ... Все повито
Упоеньемъ... Страсть алчетъ, какъ волкъ...
Я пойму... ты поймешь... мы поймемъ...
Да, поймемъ, какъ мечта даровита,
И гранатъ мы изсушимъ вдвоемъ...

1909. Декабрь.

СИРИУСОТОНЪ.

Н. А. Тэффи.

Счастье снѣжинки —
Ландыша съ Сирьюса —
Въ таяньи аломъ...

Будуть поминки
Въ сердцѣ у ириса,
Лунно-линяломъ...

1910. Сентябрь.

КАКОЕ МНѢ ДѢЛО?!

Какое мнѣ дѣло, что зрѣють цвѣты?!
Гдѣ вазы? вазъ нѣтъ... Не куплю вазы!
Какое мнѣ дѣло! Когда созрѣвали мечты,
„Простите, но я не люблю Васъ“,
Сказала мнѣ ты.

Сказала... Горѣлъ, но теперъ не горю,
На солнце смотрю уже — щурясь.
Къ чему эти розы? окрасить больную зарю?
Простите, но я не хочу розъ, —
Тебѣ говорю.

1909. Мартъ.

ПОЭЗІЯ МЪЩАНКИ.

Все было поэтично въ ней... хотя
Ея отецъ былъ при соборѣ сторожъ.
Ужъ съ раннихъ лѣтъ нездѣшнее дитя
Любило снѣгъ черемуховыхъ порошъ.
    Ставъ дѣвушкой, взяла она иглу,
    Питалась ею, язычкомъ колола,
    Живя въ подвалѣ, въ бѣдности, въ углу,
    Спасала честь дѣвичью отъ укола.

Знакомыхъ было много. Все пшюты,
Какъ дѣвушка говаривала броско,
Но появился „онъ“ и онъ сталъ „ты“,—
Расцвѣлъ пейзажъ шаблоннаго наброска,
Но кто былъ онъ? Да царь ея мечты —
Писецъ съ физиономьей недоноска...

1909. Іюль.

Мыза „Ивановка“.

ВЪ ЛУНИ.

Ты пѣла грустно, я плакалъ весело?!.
Сирень смѣялась такъ аметистово...
Мнѣ показалось: луна замѣтила
Блаженство наше, — и серебристаго
Луча съ привѣтомъ послала ласково...

Нась лучъ къ слянію маниль неистово...
Сюда, сирены! Оставьте пляски вы!
Оставьте пляски вы, скажите сказки намъ
О замкахъ раковинъ, о рыбахъ въ золотъ,
О влажныхъ лиліяхъ, пескъ обласканномъ,
Чего вы просите, кого вы молитесь...
Разсѣйте грезы, испепелите ихъ! —
Онѣ сжигаютъ, онѣ неистовы.
Такая мука въ былыхъ событіяхъ...
Глаза сирени такъ аметистовы...
Сирены, съ хохотомъ, на маргаритки
Легко упали и сказки начали.
Позабывали мы о нашей пытки...
Твои глазенки во тьмѣ маячили...

1910. Январь.

МАЛЕНЬКАЯ ДИССОНА.

Да, вспоминай, какъ ты бродила
Лѣниво грубымъ шагомъ въ долы,
Какъ тупо надъ рѣкой сидѣла,
Дыша уродливо-устало.

И если вспомнишь это лѣто,
Его стѣсняющія латы,
Поймешь, что часто позолота —
Какъ монументъ дэролита.

1909. Декабрь.

АХЪ, АВТОРЪ...

Она ли взяла меня? Я ли?
Забылось: давно вѣдь: забылось.
Но кто-то игралъ на роялѣ;
Я вспомнилъ рояль,—и забилося
Былымъ мое сердце... Дыханье
Вдругъ стало и жарче, и суше...
Я вспомнилъ ея колыханье...
Мнетъ нервно она мои уши...
И стиснула зубы... И губы
Сжимаетъ своими губами...
Ахъ, авторъ! Безстыдно и грубо
Плясать кэкъ-уокъ надъ гробами.

1909. Декабрь.

ЗНАТЬ ЭТО НАДО ЛИ?

Сбываются грезы лазоревыя,
Сбываются майскіе сны,
И, снова восторгъ раззадоривая,
Дарятъ упоенье весны.

Даль—сказка волшебна олунена,
Танцуетъ незримый прибой,
Все вѣетъ палитрою Бунина,
Какъ сѣверный май голубой.

Въ чемъ счастье? Но знать это надо ли?—
Мы счастливы тѣмъ, что живемъ,
И чувства въ восторгѣ зпрядали,
А мы ихъ поемъ, да поемъ.

1909.

ИЛИ МНѢ ПОКАЗАЛОСЬ ТО...

Сколько горя и злобы, и жалости,
Если дерзко при встрѣчѣ кричать —
Этихъ женщинъ вульгарныя шалости,
И проспектный, чудовищный чадъ.

Вотъ сейчасъ (или мнѣ показалось то?),
Оттянувъ подбородкомъ вуаль,
Въ красной шубкѣ сказала: „пожалуйста —
Если Вамъ золотого не жаль“...

А глаза — точно вялые финики,
На устахъ утомленный сарказмъ...
— Эй, прохожіе, изверги, циники.
Слезопійцы, убили бы разомъ...

Изсосали, расхитили женщину
И швырнули, глумясь, на панель...—
„Не впадайте, милсдарь, въ декадентину“,
На ходу проворчала шинель.

1909. Декабрь.

ОРЕДЕЖЪ.

Скала молчить. Отвѣтамъ нѣтъ вопроса...

Валерій Брюсовъ.

О, швейцарець обрусѣвшій,— о, Оредежъ!
Ты течешь недоумѣнно, тайно бредишь
Объ утонченныхъ притокахъ. Звонокъ, тонокъ,
Ты опошлился отъ ласки рѣкъ-чухонокъ.

Ты, альфонсъ Россіи дряхлой, чисто вымыть
И прилизанъ, и причесанъ. Сѣрый климатъ
Отражается опасно на здоровьѣ...
Хмиришь ты свои лѣса, какъ чернобровье:

Такъ все дико, такъ все странно чужеводцу.
Мужики къ тебѣ приходятъ, какъ... къ колодцу.
Господа къ тебѣ приходятъ, какъ... къ вертепу.
Розѣ Альповъ ли отдаться... курослѣпу?!

Да, Оредежъ, намъ твои красоты чужды:
Вѣдь у насъ, великороссовъ, плоски нужды...
Поневолѣ о Швейцаріи ты бредишь,
Чуждый намъ, какъ мы тебѣ, альфонсъ Оредежъ.

1911. Сиверская.

ХАБАНЕРЕТТА.

Наликерьте сердца, орокфорьте мечты,
Всѣхъ зовите на „ты“.
Пейте усть алькермель, ѣшьте дѣвѣй дюшесь,
Чтобъ разсудокъ исчезъ...
Ало жальте уста и вонзайте кинжалъ,
Чтобы бюсть задрожалъ...

ЕЯ МУЗА.

Ея муза — конечно, шатенка,
Какъ пѣвица сама,
А накидка такого оттѣнка —
Какъ мечта виѣ ума...

Улови-ка оттѣнокъ, попробуй!
Много знаю я музъ,
Но нарядъ ея музы — особый.
Передать не возьмусь...

1909. Июль.

Муза „Ивановка“.

ВОСЬМИСТРОЧІЕ.

Каждая женщина любить неправду
И комплименты, и лесть.
Если понравилась, — будетъ награда,
Если прогнѣваешь, — месть.

Каждая женщина любить измѣну
И униженья, и... бичъ.
Женщина любить такіе контрасты,
Что невозможно постичь.

1909. Іюнь.

Мыза „Ивановка“.

НА ЧУЖОЙ МОТИВЪ.

(Впикъ Л. А.)

Какъ бездна, страшень мнѣ таинственный кошмаръ,
И мечутся, какъ мышъ безперая, химеры;
Какъ зарево, горитъ багряный солнца шаръ,
Молчанье, какъ удавъ, и мысли даже сѣры...
Отъ пошлой суеты и всѣхъ житейскихъ золь,
Медлительно мой мозгъ окутавшихъ сѣтями,
Стремлюсь туда въ мечтахъ, гдѣ Аполлонъ возвелъ,
Какъ яркій метеоръ, дворець царить надъ нами...

1909. Октябрь.

БЕСѢДА САМОВАРОВА СЪ КОФЕЙКИНЫМЪ.

(Диалогъ.)

- Самоваровъ: Что пьешь лѣниво? Ну-ка, ну-ка,
Давай-ка хватимъ по второй...
- Кофейкинъ: Изволь, потѣшить надо друга;
Ну, будь здоровъ, любезный мой.
- Самоваровъ: И ты. Закусывай селедкой.
Или вотъ семгой, — выбирай.
Огурчики пріятны съ водкой...
- Кофейкинъ: Да ты меня не угощай,
Я, братецъ, самъ найти сумѣю,
Что выбрать: выборъ вѣдь не малъ,
А коли, въ случѣ охмелѣю,
Скажу, что ты наугощаль.
- Самоваровъ: Ну, ладно тамъ, не философствуй,
Знай пей, и больше никакихъ...
Ужъ коли вдовъ, такъ ты и вдовствуй —
Пей больше съ горькихъ думъ своихъ.
- Кофейкинъ: И, братецъ, горя-то немало
И впрямь приходится мнѣ пить.
Здоровье только бъ позволяло, —
Сумѣю грусть свою залить.
- Самоваровъ: Чего здоровье, ты ли боленъ?
Здоровъ, какъ быкъ, силища — во!
За это долженъ быть доволенъ.
- Кофейкинъ: Не видишь сердца моего
И говоришь ты, этакъ, сдуру,

Что только въ голову придеть.
Имѣю крѣпкую натуру,
Да сердцемъ, сердцемъ я не тотъ.

Самоваровъ: Ну, съѣхаль дурень на амура.

Кофейкинъ: Какъ умерла моя хозяйка,
Оставивъ пятерыхъ птенцовъ,
Узналъ я горя... Ты узнай-ка,
Ты испытай, что значить „вдовъ“.

Самоваровъ: Э, надоѣлъ мнѣ. Только скуку
На всѣхъ умѣешь нагонять.
Давай-ка лучше хватимъ, ну-ка,
Не заставляй же угощать.
Эхъ, вспомню я порой, Петруша,
Какъ жизнь мы нашу провели,
Какъ отводили наши души,
Какъ много денегъ мы прожгли.
И жалко мнѣ, да вспомнить сладко:
Вотъ это жизнь такъ жизнь была!
Съ тобою жили мы въ присядку.
Глядишь, и старость подошла.
Вспомянь, какъ пили мы у Лиды
„Клико“, да разныя „Помри“.
Да, што тамъ, видываль я виды
И пожилъ всласть, чортъ побери.
А какъ французенокъ купали
Въ шаипанскомъ, помнишь?
Ха, ха, ха!
Мы въ ванны дюжины вливали
И пили, пили вороха.
Однажды, помню, мы на тройкѣ

Компаньей теплой, удалой,
Катили съ дружеской попойки,
„Вдрызгъ налижавшись“, домой.
Катимъ. Навстрѣчу мужичонка
Съ дровами ѣдетъ напрямикъ.
„Эй, отверни свою кляченку“!
Кричитъ напившійся ящикъ.
А онъ, каналья, въ усъ не дуетъ,
Кричимъ, какъ будто не ему.
„Не знаешь, што-ль, гдѣ ракъ зимуетъ?
Покажемъ мы тебѣ зиму“.
Захотали мы тутъ звонко,
Ящикъ по тройкѣ выгнуть кнутъ,
И вотъ съ дровами мужиченка
Перевернулся старый шутъ...

1907.

НА МОТИВЪ ГЕИНЕ.

Не помню, когда это было,
Но, помнится, было когда-то..
Она меня просто любила,
А я — даже нѣжно и свято.

Что счастливы были мы, это
Теперь для меня несомнѣнно,
Но вотъ, ужъ которое лѣто,
Я пѣть не могу вдохновенно.

Мы съ нею разстались преглупо
Въ разгарѣ любви, безъ причины,—
Какъ два застывающихъ трупа,
Забывшіе ужасъ кручины.

Мы встрѣтятся больше не можемъ,
Хотя почему—неизвѣстно..
Къ разлукѣ привыкли, положимъ,
Но все-таки встрѣча — прелестна.

Какъ жаль, что изъ вздора и чуши
Порой вырастаютъ страданья.
Но такъ наши созданы души,
И въ этомъ — дефектъ мірозданья.

А все же она не забудетъ,
Вернется, любовью объята.
Не знаю, когда это будетъ,
Но чувствую, будетъ когда-то.

1909. Іюнь.

Мыза „Ивановка“.

ПОДЪ ШАРЛЯ БОДЛЭРА.

Отрезвленіе.

Ангель веселья. Знакомо-ль томленье тебѣ,
Стыдь, угрызенья, тоска и глухія рыданья,
Смутные ужасы ночи, проклятыя судьбѣ,
Ангель веселья, знакомо-ль томленье тебѣ?

Ненависть знаешь ли ты, бѣлый ангель добра,
Злобу и слезы, когда призываетъ возмездье
Вспомнить бывшее, надъ сердцемъ царя до утра?
Въ ночи такія какъ вѣрю въ страданія мести я!
Ненависть знаешь ли ты, бѣлый ангель добра?

Знаешь ли, ангель здоровья, горячечный бредъ?
Видишь, изгнанники бродятъ въ палатахъ больницы,
Къ солнцу взывая, стремясь отрѣшиться отъ бѣды...
Чахлыя губы дрожать, какъ въ агоніи птицы...
Знаешь ли, ангель здоровья, горячечный бредъ?

Ангель красоты! ты видалъ ли ущелья морщинъ,
Старости страхъ и уродство, и хилость мученья,
Если въ глазахъ осіянныхъ ты встрѣтишь презрѣнье,
Въ тѣхъ же глазахъ, гдѣ ты раньше бывалъ палладинъ?
Ангель красоты, ты видалъ ли ущелья морщинъ?

Радости, свѣта и счастья архангель священный,
Ты, чьего тѣла росой обнадеженъ Давидъ,
Я умоляю тебя о любви неизмѣнной!
Тканью молитвы твоею да буду обвинить,
Радости, свѣта и счастья, архангель священный!
1909. Декабрь.

ПОДЪ ШАРЛЯ БОДЛЭРА.

Музыка.

Переносить меня музыка, какъ море,
Къ моей блѣдной звѣздѣ,
Подъ защитою тумана, на просторѣ
Путь держу я вездѣ.
Раскрывая грудь, вздуваю я дыханье,
Какъ челнокъ—паруса.
И прорѣзываю спины волнъ, въ мерцаньи
Ночи, взявшей глаза.
Я душой своей впиваю всѣ волненья,
Всѣ страданія скитальца-корабля,
Влажный вѣтеръ и гроза, въ огнѣ бѣненья,
Этой бури меня нѣжатъ. А внемля,
А внемля порой волнамъ въ оцѣпѣненьи,
Если зеркало спокойно,— стражду я...

1909. Июнь.

Мыза „Ивановка“.

ПОДЪ ШАРЛЯ БОДЛЭРА.

Большая муза.

Бѣдная муза моя, что сегодня съ тобою?
Впадины глазъ твоихъ пѣльны видѣній ночныхъ,
И на лицѣ разливаются тѣни волною,
Тѣни безумья и ужаса чувствъ ледяныхъ.

Ваза зеленая съ сумракомъ розово-блѣднымъ,
Страхъ и любовь въ тебя влиты изъ пасмурныхъ урнъ...
Деспотъ-кошмаръ, распаленный задоромъ побѣднымъ,
Онъ не столкнулъ ли тебя въ знаменитый Минтурнъ?

Я бы хотѣлъ, аромат разливая здоровья,
Грудь напоить твою мыслью могучей и властной,
Чтобъ твоя кровь протекала струею согласной,—

Точно античныхъ письменъ миллионные звуки,
Гдѣ воцарились навѣкъ съ неизмѣнной любовью
Фебъ, царь мелодій, и Панъ, богъ оправданной муки.

1909. Июнь.

Муза „Ивановка“.

ПОДЪ ШАРЛЯ БОДЛЭРА.

Цыгане въ пути.

Вчера опять пророческое племя
Пустилось въ путь, забравъ своихъ дѣтей;
У матерей созрѣлъ дюшесь грудей;
Зрачки горять... (Не знойно ль было сѣмя?..)

Отцы бредутъ, блестя своимъ оружьемъ,
И таборомъ раскинулась семья,
Тяжелыми глазами обоймя
Просторъ небесъ съ тоскливымъ равнодушьемъ.

Всегда при нихъ звучитѣ пѣсни птицъ.
Имъ божество даетъ благоволенья:
Тамъ, гдѣ они,— пышнѣ цвѣтъ растенья,
Тамъ орошень утеса гордый шпигъ,

И, какъ сады, цвѣтутъ для нихъ пустыни...
Для нихъ нѣтъ тайнъ,— и счастья нѣтъ отнынѣ...

1909.

ПЛѢННИЦА.

СОНЕТЪ.

(Изъ Анри де-Рэнье.)

Ты убѣжала отъ меня, ты убѣжала,
Отдавъ свои глаза, какъ амулетъ...
Запомнила рука моя,— какъ жало,—
Вѣсь горла твоего, и вкусъ, и цвѣтъ,
И линію исчезнувшаго тѣла,
Къ которому желаніе крылится...
Ты ночь и лѣсъ поставить захотѣла
Преградою межъ нами. Но, налить
Твоею вѣроломной красотою,
Я возсоздамъ расплывшуюся тьмою
Твою красу. Забрезжили поля...
Я выкую твой образъ отомщенно,
И будешь ты — вся мраморъ иль земля,
Вся гнѣвъ нѣмой — змѣнится возмущенно...

1910. Августъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Зарницы мысли.

	Стр.
Дифирамбъ	7
Мой годъ	8
Странно	—
Мой монастырь	—
Надежды нѣтъ	9
Пѣсня	—
Извѣѣ	10
Я рѣчь держу	11
Разъ навсегда	12
Собратья	13
Вы, тѣ	14
Мой стихъ	15
Щитъ-солнце	—
А знаешь край	16
Все кончено, а солнце вновь восходить	—
Воздвиженье	17
Царство небесное	18
Рыцарь духа	19
Бунтъ волнъ	20
Тлѣнность ада	21
Здѣсь и тамъ	23
Импровизація	24

Похоронная иронія	25
Поэту	—
Великому современнику	26
У К. М. Фофанова	27
Пѣвица страсти	28
Полусонетъ	29
Реквиемъ	30
Океану—капля	31
Памяти Н. А. Некрасова	—
Памяти В. Башкина	32
Памяти Н. А. Римскаго-Корсакса	33
Арнольдсонъ	34
Въ альбомъ Олимпіи Боронать	—
Повѣстущка дней Малюты	35
Похороны	38
Призракъ великой царицы	42
Снѣжная летаргія	45

II. Это было такъ недавно...

Notturmo	51
Лили души	52
Мимоходомъ	53
Выйди въ садъ	54
Катюльничка	55
Вдохновеніе	—
Въ самумъ	56
Резедовый букетъ	57
Я хочу	58
Ровдель	—
Интродукція	59
Глазенки	60
Что жизнь?	61
Тріолеты	—
Любовь	62
Твой домикъ	63

Стансы	63
Рондо	64
Жизнь считаешь	—
Грезы Миньоны	65
Ласточки	—
Лотаріо	66
Ко дню рожденія	—
Лепестки розъ жизни	67
Элегія	72
Царевна Суды	—
Обманщица-весна	74
Несбыточный сонъ	75
Безотрадная жизнь	76
Письмо	77
Сердце сердцу	78
Тріолеть	80
Звено любви	—
Не вѣрь	81
Сказанье ночи	82
Мнѣ весело грустить	83
Прошли года	—
Фантазія	84
Не понять	85
Дина	86
Зина	87
Тріодиссона	—
Ностигне	88
Голосокъ	89
А все въ мѣстѣ	—
У горшка	90
Но зачѣмъ	—
Любить ради любви	91
Увидь	92
Онѣ поють	—
Какъ кошечка	93
Любилъ	—
Женщина въ тюльбэри	94

Все глуше паркъ	95
Въ августъ	96
Самообманъ	—
Я иду	97
Ландшафтъ	—
Жажда жизни	98
Советъ	99
Страдать	100
Мнѣ тяжело	—
Ушедшая весна	101
Стансы	—
Мелодіи идеальной идилліи	102
Дуэтъ душъ	103
Ты вошла	105
Лѣтомъ	—
Не будетъ опять	106
Отчего?	—
Заря воскресла	107
Вѣдь двѣнадцать часовъ	108
Красный жасминъ	109
Поздней осенью	110
Терцина	111
Тебѣ я вѣрю никогда	112
Перекачь I	113
Осенняя элегія	114
Сиреневый вальсикъ	115
Гатчинская мельница	—
По владѣніямъ Кучума	117
Ночная прогулка	121
Сириусъ	122
Изъ цикла „Сириусъ“	—
Изъ цикла „Сириусъ“	123
Муза	124
Она осчастливитъ его захотѣла	126
Ихъ встрѣча	130
Тоска тоски	136
Въ сѣверномъ лѣсу	138

III. ЛИРОИРОНІЯ.

Колоколь и колокольчикъ	143
Хабанера IV	—
Полонезъ „Бравура“.	144
Иногда.	145
Сонетъ-капризъ.	146
Сирусотонъ.	147
Какое мнѣ дѣло?	—
Поэзія мѣщанки.	148
Въ луни	—
Маленькая диссона	149
Ахъ, авторъ.	150
Знать это надо ли?	—
Или мнѣ показалось то	151
Оредежъ	152
Хабанеретта.	153
Ея муза.	—
Восьмистрочіе.	154
На чужой мотивъ.	—
Бесѣда Самоварова съ Кофейкинымъ.	155
На мотивъ Гейне.	157
Подъ Шарля Бодлэра.	159
Подъ Шарля Бодлэра.	160
Подъ Шарля Бодлэра.	161
Подъ Шарля Бодлэра.	162
Плѣнница.	163

Издательство „НАШИ ДНИ“.

Москва, Тверская, 29, кв. 30. Телеф. 2-78-64.

Игорь Сѣверянинъ — Поэзоантрактъ. . .	Цѣна 1 р. 50 к.
Игорь Сѣверянинъ — Ананасы въ шампанскомъ. Изданіе второе.	„ 1 „ 25 „
Игорь Сѣверянинъ — Victoria regia . . .	„ 1 „ 25 „
Гр. Алексѣй Н. Толстой — День битвы. . .	„ 1 „ — „
Гр. Алексѣй Н. Толстой — Обыкновенный человекъ	„ 1 „ 25 „
Осипъ Дымовъ — Бѣгушіе креста. Романъ	„ 1 „ 25 „
Маркъ Криницкій — Маскарадъ чувства. Романъ.	„ 1 „ 50 „
Маркъ Криницкій — Часъ насталь. Романъ.	„ 1 „ 50 „
Анна Маръ — Тебѣ Единому согрѣшила. Романъ	„ 1 „ — „
А. Свирскій — Пограничники	„ 1 „ 25 „
Николай Архиповъ — Мужчина Анри. . .	„ 1 „ 25 „
А. Оссендовскій — Женщины возставшія и побѣжденные. Романъ	„ 1 „ — „
Іосифъ Конрадъ — Тайный агентъ. Романъ.	„ 1 „ 25 „
Въ нѣмецкомъ плѣну.	„ 1 „ 25 „
Въ эти дни — Литер.-Худож. альманахъ. . .	„ 1 „ 25 „

Книгоиздательство „СЪВЕРНЫЕ ДНИ“

Москва, Тверская, 29, кв. 30 Телеф. 2-78-64.

Лидинъ Вл. „Трынъ-трава.“ Разказы	1 р.	25 к.
Локкъ Уильямъ. Дж. „Любимый бродяга“ романъ	1 „	50 „
Рыссъ Петръ. „Италя“. Очерки	1 „	50 „
Свирскій А. „На кострѣ“. Разказы. Томъ VI	1 „	25 „
Соболь Андрей. „Пыль“. Романъ	1 „	25 „
Соболь Андрей. Разказы	1 „	25 „
Чулковъ Георгій „Люди въ туманѣ“. Книга разказовъ	1 „	25 „
Чулковъ Георгій. „Вчера и сегодня“. Статьи	1 „	25 „

Игорь Сѣверянинъ. „Поэзоантрактъ“ .. . . . 1 „ 50 .
